

Александр Михайлович
Юлия Маркова

ГЕРОЙ ИМПЕРИИ
СРАЖЕНИЕ ЗА
ИНИЦИАТИВУ

ПОЛЯРНЫЙ ЛИС - 3

Галактические войны

Александр Михайловский
Герой империи.
Сражение за инициативу

«Александр Михайловский и Юлия Маркова»

2020

Михайловский А. Б.

Герой империи. Сражение за инициативу / А. Б. Михайловский —
«Александр Михайловский и Юлия Маркова»,
2020 — (Галактические войны)

Команда «Полярного Лиса», вступившая в альянс с СССР, помогла Красной армии выиграть время и в Приграничном сражении сломать план Барбаросса. Вермахт понес тяжелые потери и забуксовал на линии старой границы на Украине и по рубежу Днепр-Западная Двина в Белоруссии и Прибалтике не в силах сделать дальше ни одного шага. Но Гитлер приказывает своим генералам собрать последние резервы и готовить новое наступление на Москву, чтобы даже в предчувствии неизбежного поражения как можно дальше отодвинуть линию фронта на восток. Германия тяжело изранена, но все еще сильна, а Красная армия в своей основной массе еще не приобрела надлежащего боевого опыта. Теперь перед советским командованием и их союзниками из Галактической империи стоит задача отразить последний тевтонский натиск и перехватить инициативу в войне.

© Михайловский А. Б., 2020

© Александр Михайловский и Юлия
Маркова, 2020

Содержание

Часть 9	5
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Михайловский, Юлия Маркова

Герой империи. Сражение за инициативу

Часть 9

1 августа 1941 года, около полудня. Москва, Кунцево, Ближняя дача Сталина, рабочий кабинет Вождя.

Присутствуют лично:

Верховный Главнокомандующий, нарком обороны и Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) – Иосиф Виссарионович Сталин;

Генеральный комиссар госбезопасности – Лаврентий Павлович Берия;

Предсовнаркома и нарком иностранных дел – Вячеслав Михайлович Молотов;

И.О. начальника Генерального штаба – генерал-майор Александр Михайлович Василевский;

Старший (и единственный) социоинженер «Полярного Лиса» – Малинче Евксина.

Присутствуют заочно в режиме телеконференции:

Начальник Генерального штаба (в отпуске по болезни) – маршал Советского Союза Борис Михайлович Шапошников;

Командир «Полярного Лиса» – капитан первого ранга Василий Андреевич Малинин;

Главный тактик «Полярного Лиса» – капитан второго ранга Ватила Бе;

Командующий Западным фронтом – генерал армии Георгий Константинович Жуков;

Командующий 13-й армией – генерал-лейтенант Константин Константинович Рокоссовский.

– Товарищи, – сказал Верховный, обводя взглядом присутствующих лично, – это совещание мы созвали по просьбе товарищей Василевского и Ватилы Бе. Есть ключевые изменения в обстановке, которые необходимо обсудить, после чего принять соответствующие изменения в нашей тактике и планах. И эти изменения коснутся не только военных вопросов. Товарищ Ватила, вам слово.

Над столом для совещаний заколебалось призрачное марево, складываясь в голографическое изображение главного тактика «Полярного Лиса», – вот она уже стоит перед ними как настоящая, лишь чуть мерцающая... При этом каждому из присутствующих в кабинете казалось, что товарищ Ватила Бе смотрит прямо на него. Галактические, ептить, технологии.

– Два дня назад, – сказала она, оделив зрителей «фирменной» темноэйджеловской улыбкой, – сканеры нашей орбитальной разведсети обнаружили подготовку к перемещению в другой сектор двух подвижных соединений дейчей, прежде нацеленных на город Бобруйск. В армии страны Германия их называют сорок первым и сорок восьмым моторизованными корпусами. А сегодня, когда удалось перехватить и расшифровать приказы вражеского командования, стало ясно, что сорок первый корпус перебрасывают под Витебск, а сорок восьмой – под Могилев, из чего следует, что направление удара через Бобруйск вражеское командование признало бесперспективным. Поскольку тридцать девятый моторкорпус третьей танковой группы в ходе боев в Минске и сражения за Борисов понес большие потери, полностью лишившие его боеспособности, пригодным для наступления на том участке фронта у дейчей остается только пятьдесят седьмой моторкорпус, – сейчас он без особой спешки сосредотачивается напротив Орши. Двадцать четвертый моторизованный корпус, в боях потерявший около половины личного состава и две трети техники, но сохранивший организационную структуру, пока остается в районе Минска. Есть сведения, что его будут пополнять до штатной численности техникой и экипажами, что остались от третьего и четырнадцатого моторизованных корпусов в составе

группы армий «Юг», а также от пятьдесят шестого моторизованного корпуса в составе группы армий «Север». Из четырех растрепанных в клочья моторизованных корпусов командование дейчей попытается собрать один полностью боеготовый. Поскольку Минск находится всего в двух суточных переходах от линии фронта под Оршей и Могилевом, то можно признать, что как только закончится пополнение двадцать четвертого корпуса техникой и личным составом, он будет переброшен примерно туда же, куда и остальные три боеготовых мотокорпуса... то есть на участок Витебск-Орша-Могилев.

– А почему не под Бобруйск, товарищ Ватила? – хмыкнул в усы Сталин, – ведь, насколько мы помним, расстояние до него от Минска даже меньше, чем до Могилева, Орши или Витебска.

– А потому, товарищ Верховный Главнокомандующий, – серьезно ответила та, – что позиции войск страны СССР на Бобруйском направлении выглядят для тактиков дейчей исключительно трудными, почти непреступными. Сначала вражеским войскам необходимо преодолеть укрепленный полевой рубеж по реке Березина, занятый очень злыми войсками с боевым опытом, позади которых расположена армейская группировка тактика Рокоссовского (а его после сражения в Минске дейчи почитают не иначе как исчадием ада). При этом дейчи помнят, что позади группировки Рокоссовского находится еще один укрепленный рубеж по реке Днепр, уже занятый свежими войсками страны СССР – а там все потребует начать сначала. И это при том, что даже после прорыва фронта войска тактика Рокоссовского и Болдина не побегут и не сдадутся в плен, а с неистовой яростью примутся строить врагу козни. Все вместе это очень похоже на бутерброд из двух слоев толстой фанеры с битым стеклом посередине. Очень вкусное угощение, от которого дейчи предпочли отказаться и перенести свои усилия севернее, туда, где оборона страны СССР представляет только в один слой...

– Насколько я помню, товарищ Ватила, – вкрадчиво спросил Берия, – прежде вы считали рубеж Березины временным и не рассчитывали удерживать его хоть сколь-нибудь продолжительное время. И вот теперь ваше мнение поменялось на прямо противоположное. С чего бы это?

– Поменялось не только наше мнение, – назидательным тоном ответила та, – поменялись и влияющие на него условия. Во-первых – войска тактика Болдина и Рокоссовского смогли достаточно долго удерживать дейчей на дальних подступах к реке Березина, в силу чего ваше командование смогло занять этот важный рубеж пешими войсками, подчиненными младшему тактику Петровскому. И если на Лепель, и особенно Борисов, дейчи навалились со всей решимостью, то под Бобруйском вследствие общего коллапса на правом фланге вражеского наступления все было тихо – что и позволило вашим войскам создать устойчивую оборону, с которой их уже не получилось бы столкнуть простым наскоком. Поэтому войска, отходящие со стороны Минска и Слуцка, перейдя Березину, не просто оказывались за рубежом водной преграды, обеспечивающей некоторую безопасность, но и получали надежное прикрытие и полное снабжение, ибо наличие рубежа обороны дало вашему командованию возможность подогнать все необходимое прямо к линии фронта. Во-вторых – противник, подошедший к рубежу Березины, вместо решительного натиска в условиях затрудненного снабжения ограничился вялым прощупыванием обороны войск страны СССР, что дало дополнительное время для приведения отступивших войск в порядок. В-третьих – Бобруйск, как опорный пункт, обеспечивает безопасность фланга, расположенного южнее Мозырского оборонительного узла, а вместе с ним – всех ваших войск, сражающихся в секторе Украина. Можно сказать, что в этой трудной для перемещений местности Бобруйск представляет собой такой же исключительно важный узел дорог, как и Минск, только его радиус влияния раза в два меньше.

Немного помолчав, Ватила Бе добавила:

– Именно по причине непреодолимости обороны в Бобруйском выступе и бесперспективности наступления на этом направлении командование дейчей снимает отсюда подвиж-

ные соединения, направляя их в сектор Могилев-Орша-Витебск. Поскольку основой германской стратегии является концентрация резервов, то, собрав на участке фронта шириной в сто семьдесят километров полмиллиона солдат, десять тысяч орудий и минометов и почти полторы тысячи танков, тактики дейчей не рассчитывают ни на что, кроме победы. Именно там они надеются взять реванш за понесенные поражения, окружить и разгромить войска вашего Западного сектора и снова переломить ход боевых действий в свою пользу, очевидно, рассчитывая, что наша поддержка действий ваших войск по мере исчерпания материальных ресурсов будет неуклонно сокращаться. Для нас задача стоит прямо противоположным образом. Поскольку командование дейчей собирается задействовать в этом наступлении все сохранившиеся боеспособность подвижные войска, не оставляя ничего в запасе, мы должны сделать так, чтобы ваши войска смогли выдержать этот удар, перемолоть направленную против них вражескую силу, а после этого окружить и разгромить вражескую ударную группировку. В результате такого исхода сражения (решающего, по мнению тактиков дейчей) вооруженные силы страны Германия утратят инициативу ведения боевых действий, а армия страны СССР, напротив, ее обретет.

– Пойдите, Ватила Ивановна... – Молотов протер платком стекла своих маленьких железных очков и снова водрузил их на нос, – я так понял, вы сказали, что немецкие генералы зря считают предстоящее сражение решающим. Так это или я ошибся?

– Вы правы, Вячеслав Михайлович, – кивнула Ватила Бе, – решающие сражения состоялись тогда, когда тактики Болдин и Рокоссовский, а также солдаты и командиры подчиненных им войск, до конца выполнили свой долг в Слоним-Ивацевичском и Минском сражениях, выиграв целый месяц времени и безвозвратно сломав машину блицкрига. Теперь наша с вами главная задача – не надумать глупостей и не промотать полученного преимущества, а с остальными тактики дейчей справятся и без нас. Они, наивные как детеныши, сами выроют себе яму и сами в нее попрыгают, воображая, что идут к победе. Это даже очень хорошо, что дейчи решили попытаться переломить обстановку в свою пользу, потому что в противном случае та же задача потребовала бы от нас гораздо большего мастерства, увеличенного расхода боеприпасов, а также роста потерь среди солдат и командиров. Пусть уж лучше тактики дейчей сами начнут это битву, раз уж они такие умные, а наше дело – приготовить все так, чтобы даже временный успех в итоге оказался врагу горше любого поражения.

– По факту, – со скромным видом прокомментировал эти слова Ватилы Бе Василевский, – выигран не один месяц, а целых два, ибо, несмотря на то, что к настоящему времени германские войска вышли на рубеж Витебск-Быхов, наступать оттуда они смогут не раньше, чем еще через месяц. Боеприпасы растрачены, топливо на исходе, войска для усиления группировки перебрасываются со всех концов Европы; при этом госпитали переполнены ранеными, без возвращения в строй которых уже действующие против нас германские войска не сумеют вернуть себе боеспособность. На основании всех имеющихся данных, включая сведения имперских товарищей, вражеское наступление ориентировочно начнется не раньше первой недели сентября.

– Все верно, – подтвердила Ватила Бе, – и точечные удары авиации и зафронтовых отрядов егерей по транспортной инфраструктуре и складам смогут еще больше увеличить этот срок, либо же вражеским солдатам придется идти в наступление, не имея в достатке всего необходимого. Тогда в танках дейчей слишком быстро закончится горючее, у артиллерии иссякнут снаряды, а их солдаты в самый разгар боев останутся без патронов...

– Германский, гм, вождь, Гитлер, – со своего места сказала Малинче Евксина, – хоть и осведомлен о подоплеке событий, но все равно погонит своих солдат в наступление. Сейчас им руководят гнев, ярость и отчаяние, а еще обида за то, что мы испортили ему такую хорошую игру... Хотя и без нашего участия шансов на выигрыш у него не было, только в том случае количество жертв, в том числе и среди немцев, было бы гораздо больше. А обида – это

плохо. Обиженный человек действует иррационально, по схеме «назло», и страхи у него тоже иррациональные, и больше всего сейчас наш оппонент боится даже не поражения на фронте, неизбежность которого ясна даже ему, а успеха нашей имперской пропаганды с последующим переходом его бывших поклонников и почитателей на сторону нашей Империи. Да, мы не обещаем поместий и рабов, но большинство немцев уверены, что, окажись они в рамках большой империи в качестве полноправных граждан – и им за счет их культурно-образовательного уровня удастся занять в ней все самые высокие посты. Они даже не подозревают, что, помимо деловых качеств, профориентация высвечивает морально-этическую ориентацию, – а вот с этим у немцев уже не так хорошо. И если некоторые из них, безусловно, войдут в золотой фонд имперских управленцев, то других постигнет жестокое разочарование.

– Ближе к теме, товарищ Малинче, – сказал Сталин, – будущее германской нации мы еще успеем обсудить тогда, когда разгромленная Германия будет лежать перед нами в руинах.

– Если быть ближе к теме, товарищ Верховный Главнокомандующий, – ответила та, – то наша имперская наука говорит о том, что, с весьма большой вероятностью, практически равной очевидности, этот мелкий обиженный человечек решил утащить с собой в могилу весь народ дейчей. Больше всего его бесит то, что его бывшие поклонники с равным успехом могут служить прямо противоположным целям, а не той квинтэссенции злобы и гордыни, какой является его расовое учение, ложное и ошибочное с научной точки зрения. Таким людям их иллюзии и заблуждения гораздо дороже настоящей научной истины, в силу чего их утрата вызывает безудержную злобу на весь мир. Так что не надейтесь, что по мере того, как ситуация для страны Германия будет ухудшаться, накал боев начнет стихать. Ничего подобного. Последние бои будут самыми яростными и кровопролитными. Это говорю вам я, старший социоинженер Малинче Евксина.

– Ну, – хмыкнул Вождь, – чтобы предсказать это, совсем не нужно быть социоинженером, достаточно прочесть Синюю Книгу, последние эпизоды этой войны бои за Берлин. В ТОТ РАЗ поражение Германии растянулось на четыре года, и в отдельные ее моменты Гитлер даже считал себя в полушаге от успеха; но и ТОГДА, в тот момент, когда советские войска уже вели бои за Берлин, этот несмешной клоун все равно попытался утянуть за собой в могилу весь германский народ. Но нам все же хочется верить, что не все в Германии такие злобные и, быть может быть, истина о том, что все проиграно, начнет приходить в голову германским генералам задолго до того, как вся Германия превратится в дымящиеся развалины.

– Если верить Синей Книге, – парировала Малинче Евксина, – то прозревали военные начальники дейчей уже в плену, когда им больше не угрожало ужасное гестапо. И то все зависело от того, в чей плен попадали эти конкретные дейчи. Если в ваш, то все проходило нормально, если же они оказывались у ваших так называемых союзников, то пленные генералы тут же принимались придумывать многословные оправдания, как и почему их главнокомандующий Гитлер помешал им выиграть почти победоносную войну против страны СССР...

– А это значит, – сказал вождь, – что уничтожению вражеского репрессивного аппарата тоже необходимо уделять самое серьезное внимание. И чем ближе война будет к своему законному концу, тем активнее должна разрушаться инфраструктура страха и насилия, пронизывающая Третий Рейх сверху донизу. Кстати, в истории, описанной в Синей Книге, Гиммлер дождался до конца войны, а тут, у нас, его уже «исполнили» пилоты ваших тяжелых бомбардировщиков. Теперь необходимо присоединить к этому человеку его соратников, поделщиков и подчиненных, чтобы каждый сотрудник германского гестапо, как и войск СС, знал, что ему уже вынесен смертный приговор, отменить который можно только добровольной сдачей в плен, чистосердечным раскаянием и искренним сотрудничеством со следствием. Товарищ Ватила, ведь ваши разведывательные сканеры способны с приемлемой точностью засечь расположение вражеских репрессивных учреждений, а ваши летчицы из темных эйджел смогут нанести по ним бомбовые удары, чтобы не оставить от них и камня на камне...

– Да, товарищ Верховный Главнокомандующий, – кивнуло изображение, – если будет на то ваше соизволение, то это программе мы придадим приоритет, равный приоритету программы по разрушению транспортной инфраструктуры.

– Не сразу, – покачал головой вождь, – сначала у противника должно возникнуть впечатление, что это не более чем ошибка по выбору целей. Нам совсем не нужно, чтобы эти мерзавцы раньше времени почуяли угрозу и начали прятаться за спины заложников, женщин и детей. В полную силу эта программа должна вступить только после того, как мы разгромим противника в предстоящем сражении, и в его рядах начнутся брожения. Тогда и последует разящий удар, который в кратчайшие сроки нейтрализует вражеский репрессивный аппарат. Но сейчас о подробностях этого говорить преждевременно. Поговорим лучше о том, что вы предлагаете делать после того, как с высокой степенью вероятности установили полосу, время и направление вражеского прорыва?

– Мы с товарищем Василевским, – сказала Ватила Бе, – составили предварительный план операции под кодовым названием «Яма с кольями». Так ваши дикие предки ловили мамонтов: эти могучие, но глупые животные проваливались в вырытые для них ловушки, усеянные заостренными кольями. В качестве такой ловушки мы предлагаем использовать треугольник Витебск-Могилев-Смоленск – внутри него на перекрестках дорог, станциях транспортной сети и других важных местах следует устроить укрепленные опорные пункты, занятые войсками численностью от батальона до полка. Снабжение гарнизонов таких укрепленных пунктов, находящихся в блокаде, их пополнение людьми, вывоз раненых и своевременная эвакуация – уже задача наших штатлов. Часть пунктов, находящихся на основных направлениях продвижения вражеских подвижных соединений, можно оставить не занятыми войсками. Пусть их тактики думают, что они застали наш рубеж обороны в полуготовом виде. Гарнизоны на эти ключевые узлы сопротивления мы доставим позже, по воздуху, когда они окажутся в зазоре между ушедшими вперед танками дейчей и пехотой...

Вождь, который молча слушал эти речи, крутя в руках трубку, поднял голову.

– Товарищ Ватила, – спросил он, – действуя таким образом, вы хотите повторить успех Слонимско-Ивацевичской операции?

– Не только повторить, – ответила Ватила Бе, – а сделать еще лучше, шире и масштабнее. В тот раз для достижения результата нам пришлось импровизировать с теми средствами, что случайно оказались поблизости. И только мужество и священная ярость ваших солдат позволили не только выполнить первоначально поставленную задачу, организовать выход из окружения как можно большему числу ваших войск, с сохранением в них дисциплины, порядка и боевого духа, но и нанести дейчам первое серьезное поражение в этой войне. Успех начальной фазы Слонимско-Ивацевичской (как вы ее называете) операции, не только позволил замахнуться на уничтожение боевого ядра одной из четырех вражеских танковых групп, но и показал принципиальную возможность еще более масштабной Минской операции. В Минске мы тоже по большей части были вынуждены импровизировать, полностью нашим выбором был только командующий обороняющейся группировки; остальное составили местные ресурсы и войска, оказавшиеся поблизости.

Немного помолчав, она продолжила:

– Теперь же ловушку для ударной группировки дейчей следует подготовить со всем возможным тщанием, войска для исполнения операции должны быть специально подобранными и вооруженными, а оборонительные сооружения необходимо построить по всем правилам военного искусства. Надо сделать так, чтобы подвижные соединения дейчей смогли промчатся вперед с ветерком на своих наземных машинах, а следующая за ними пехота неожиданно для себя постоянно упиралась бы в неожиданные препятствия и ползла от одного опорного пункта до другого медленно и печально, все время чертыхаясь, спотыкаясь и падая. Вражеские пешие подразделения, конечно, смогут обходить такие препятствия по бездорожью, но колонны снаб-

жения, которые повезут следом за танками все необходимое для войны, не смогут этого сделать и будут вынуждены ждать, когда для них разблокируют дороги. По периметру территории, предназначенной под место будущего сражения, нужно создать дополнительные рубежи полевой обороны, уже занятые войсками, которые предстоит перебросить из ближних внутренних секторов вашей страны. Ведь мобилизация идет по плану относительно того, что описано в Синей Книге; у нас уже имеется экономия в несколько армий.

– Экономия в несколько армий – это хорошо, – хмыкнул вождь, – и ваш план, несомненно, являющийся вершиной имперской тактики и чудом вашего темноэджеловского расчета, тоже неплох. Но дело в том, товарищ Ватила, что мы хотели бы без всяких хитростей вообще не допустить прорыва нашей обороны по Днепру германскими войсками. Ведь чем сложнее и отточеннее план, тем больше его успех зависит от добросовестности и квалификации командиров дивизионного, полкового и даже батальонного звена, – а по этим качествам наша Рабоче-Крестьянская Красная Армия пока еще изрядно уступает вашим имперским войскам. Мы пока способны навести порядок на фронтах и еще немного в армиях, а до того, что ниже, у нас пока не дошли руки. Кроме того, прорыв фронта вражескими войсками может создать сильный деморализующий эффект, особенно опасный именно сейчас, когда люди только-только поверили в то, что с вашей помощью мы уже переломили ситуацию и вот-вот погоним врага обратно.

– Да, – согласилась со Сталиным Малинче Евксина, – деморализующий эффект от такого решения будет существенным. Несмотря на неизбежную победу в сражении, люди начнут говорить, что мы, имперцы, бросили советские войска и ради своих тактических расчетов обрекли их на неминуемую гибель. И даже если мы будем разъяснять действительное положение вещей, делу это не поможет. Уже сейчас по обществу идут разговоры о том, что мы хотим вернуть старую империю и снова посадить людям на шею прежних угнетателей-бездельников: графов, князей и баронов и, главное, полностью дискредитировавшую себя семью императоров Романовых. Помимо всего прочего, это плохо влияет на боеспособность войск, поэтому не хотелось бы сейчас каких-либо военных авантур, расшатывающих моральный климат народа.

Берия протер стекла своего пенсне платком и, повернувшись к Сталину, сказал по-грузински:

– Сейчас мы, Коба, вместе с имперскими товарищами пытаемся разобраться, откуда взялись такие слухи... и получается нехорошо. Кроме известных тебе товарищей, сильно обеспокоенных смертью Клоуна, следы, как и следовало ожидать, ведут в Берлин и даже в Лондон. Нашим сегодняшним и завтрашним врагам будущая империя, как бы она ни называлась, нравится даже меньше, чем фрондерам из ЦК.

– Понятно, Лаврентий, – сухо кивнул Сталин и, повернувшись к изображению главного тактика «Полярного Лиса», сказал: – Скажите честно, товарищ Ватила, есть ли у нас возможность за оставшийся месяц создать на основном рубеже такую неприступную оборону, чтобы враг кидался на нее как пес на забор, и каждый раз срывался вниз? Неужели это невозможно, ведь у врага, благодаря вам, практически нет больше авиации и его командование весьма ограничено в ведении разведки; у нас же все нормально и с тем, и другим. Вот и сейчас о переброске двух вражеских корпусов мы узнали еще до того, как тронулся в путь первый эшелон. Разве наша армия при вашей поддержке, имея еще месяц на совершенствование обороны, не сумеет создать такого прочного рубежа, который окажутся непреодолим для германских полчищ, сколько бы солдат, танков, орудий и минометов враг ни собрал для наступления?

Ватила Бе на некоторое время задумалась, в уме просчитывая варианты, потом сказала:

– Все дело в том, что у нас на «Полярном Лисе» исчерпаны запасы управляемых плазменных боеприпасов, и их пополнение при помощи корабельных мастерских – процесс не быстрый. Особенно если учесть, что они, эти самые мастерские, сейчас по большей части работают по заказам ваших ученых и промышленности, изготавливая приборы и машины, которые здесь

не сможет изготовить больше никто другой. А без достаточного количества управляемых боеприпасов вопрос истребления полутора тысяч вражеских танков, которые с упорством маньяков будут лезть на вашу оборону, не решается. Ваша противотанковая артиллерия пока не способна решить эту задачу. Во-первых – имеющиеся у вас орудия способны поражать вражеские средние танки только на короткой дистанции; во-вторых – их слишком мало; в-третьих – они организованы так, что чаще всего оказываются не там, где надо. Враг всегда наносит концентрированные удары, обрушивая мощь целого моторизованного корпуса на позиции всего одной стрелковой дивизии. Восемнадцать легких противотанковых пушек против трехсот-четырехсот вражеских танков не имеют шанса остановить вражеский натиск. Чтобы решить эту проблему, необходимо иметь мощные, хорошо вооруженные и подвижные противотанковые части, которые всегда оказывались бы там, где возникает необходимость. Для этого управление ими должно быть сосредоточено не в руках командиров дивизий, корпусов и даже армий, а в руках старших тактиков, командующих целыми фронтами. Но у вас таких артиллерийских частей нет, и в ближайшем времени не предвидится.

– Перед войной, – сказал Сталин, – у нас были отдельные противотанковые бригады – как раз окружного, то есть фронтового подчинения, но практика не подтвердила их высокой эффективности...

– Поскольку я хорошо изучила этот вопрос, то позвольте с вами не согласиться, товарищ верховный главнокомандующий, – парировала Ватила Бе. – Во-первых – там, где такие бригады оказались перед фронтом атакующих вражеских танков, их деятельность оказалась весьма эффективной. Но по большей части ваше командование сильно ошибалось с оценкой направления вражеского удара, и тогда противотанковые части оказывались там, где у дейчей вовсе не было никаких танков. Во-вторых – так же, как и механизированные корпуса, противотанковые бригады подвергались разделению на части, изъятию автотранспорта и тяговой силы, а также зачастую оказывались без топлива и боеприпасов. В-третьих – тут скорее не подтвердилась эффективность вашего довоенного командования, которое неправильно определяло направления вражеских ударов и зачастую распыляло силы, стремясь одной бригадой решить множество несвойственных ей задач. К тому же пушки в этих бригадах были не специализированными противотанковыми, а приспособленными для этого дела зенитками, – а это тоже сыграло свою роль... Зенитные орудия имеют слишком большие габариты, их трудно замаскировать, а окоп для них требуется почти такой же, как и для танка, при том что танки, даже самые старые, имеют хорошую проходимость на местности вне дорог, а зенитные орудия, наоборот, самую плохую.

– Возможно, вы, товарищ Ватила, и правы, – довольно резко ответил Сталин, – но в данном случае это не имеет большого значения. Делайте что хотите, но немец не должен пройти на восток дальше того рубежа, где он находится ныне. Это не обсуждается. Никаких вражеских прорывов к Смоленску быть не должно, как и самих прорывов фронта. Если вам все так доподлинно известно, то сделайте все, чтобы предотвратить такое развитие событий!

Ватила Бе снова погрузилась в мысленные расчеты, но длилось это недолго.

– Вариант развития событий, при котором ваше распоряжение будет выполнено, вполне возможен, – через некоторое время сказала она. – Для этого необходимо в кратчайшие сроки собрать в один кулак всю противотанковую и приравненную к ней артиллерию, еще не задействованную в отражении нашествия дейчей, и сформировать смешанные противотанковые артиллерийские бригады. Оборона от вражеских танков должна осуществляться на трех рубежах. Первый рубеж составят легкие противотанковые пушки калибра сорок пять миллиметров. Эти орудия будут находиться на линии первых пехотных траншей и бить по врагу в упор, с дистанции от ста до трехсот метров, и поэтому их расчеты можно будет награждать посмертно еще до того, как они откроют огонь. Там же должны располагаться расчеты тяжелых противотанковых ружей (когда их окончательно разработают), ручных реактивных гранатометов и

огнеметов. Во втором эшелоне на дистанции в полкилометра-километр от пехотных траншей будут находиться более-менее современные пушки калибра семьдесят шесть миллиметров. Желательно, чтобы это были длинноствольные Ф-22¹ (которые для этого нужно собрать со всей страны СССР), а не более короткоствольные УСВ. И на третьем рубеже, от километра и далее, следует расположить зенитные пушки калибром в восемьдесят пять миллиметров и сто семи миллиметровые корпусные орудия – находясь в относительной безопасности от вражеского огня, они будут простреливать насквозь все поле боя. Еще каждая из таких бригад, помимо трех артиллерийских полков, обеспечивающих плотное эшелонированное прикрытие от вражеских танковых ударов, должна получить по два стрелковых батальона с тяжелым вооружением, чтобы отбивать поползновения вражеских солдат на артиллерийские полки второго и третьего эшелонов, а также по дивизиону тяжелых зенитных пулеметов. Эти дивизионы либо прикроют артиллерийские позиции от действий вражеской авиации, если она появится, либо составят подспорье в истреблении вражеской легкой бронетехники.

На какое-то время изображение Ватилы Бе в голографическом проекторе сменилось изображением генерала армии Жукова.

– Скажите, товарищ Ватила, – спросил командующий Западным фронтом, – а почему вы не упомянули об автоматической зенитной пушке калибром тридцать семь миллиметров, которую перед войной в обязательном порядке включали в состав артиллерийских бригад противотанковой обороны?

– А потому, – ответила та, – что, исходя из характеристик своей бронебойности, эти орудия должны располагаться вместе с пушками калибра сорок пять миллиметров прямо на рубеже пехотных траншей, а исходя из их габаритов и проходимости, их стоит размещать на втором или даже третьем рубеже противотанковой обороны. В первом случае, громоздкие и малоподвижные, они станут легкой мишенью для ответного огня вражеских танков, а во втором варианте их огонь будет опасен только для самой легкой бронетехники дейчей. Я думаю, что по одному дивизиону такие зенитные пушки можно включать в средние и тяжелые артиллерийские полки, в то время как тяжелые зенитные пулеметы будут выдвинуты на первый рубеж обороны. Но это по возможности, а не в обязательном порядке, поскольку появления в воздухе вражеской авиации мы не допустим.

– Очень хорошо, товарищ Ватила, – кивнул Сталин, – а теперь скажите, какую численность должны иметь ваши противотанковые бригады и какого их количества будет достаточно для того, чтобы гарантировать устойчивость нашей обороны?

Изображение Ватилы Бе вполне по-человечески пожало плечами.

– Насколько нам известно из Синей Книги и других источников, – последовал ответ, – при прорыве обороны дейчи стремятся создать плотность в пятьдесят-шестьдесят танков на километр фронта. При этом для моторкорпуса ширина прорыва оказывается в пять-шесть километров, а осью наступления является шоссе-магистраль или, в крайнем случае, проселок, лишь бы он был проходим для грузовиков, которые пойдут вслед за танками. Лето этого года у вас выдалось сухим и жарким, так что немецкие танкисты, прорвав фронт, могут ездить где хотят и как хотят. Но это обстоятельство не должно вас заботить – когда будет нужно, мы сумеем устроить Великий Потоп локального масштаба. Цивилизация нашего уровня, как само

---

¹ На дистанции в полтора километра бронебойный тупоголовый снаряд, выпущенный из пушки Ф-22, при угле встречи с целью в шестьдесят градусов имеет бронепробиваемость в пятьдесят пять миллиметров, что достаточно даже для поражения «в лоб» самоходных орудий «Штгуг», не говоря уже о «тройках» и «четверках» ранних серий. У УСВ этот показатель скромнее на пять миллиметров, но и она на такой дистанции с гарантией будет поражать все виды гитлеровских танков и бронемашин, а при попадании в «Штгуг» будет иметь место частичные пробития с массовыми отколами внутренней части брони, что для экипажа самоходки тоже не сахар.

собой разумеющееся, владеет технологией управления погодой, а устроить дождь там, где его не было – это примерно на порядок проще, чем прекратить ненужные нам дожди².

Верховный переглянулся с Молотовым. На территории СССР достаточно таких мест, где дополнительные дожди было бы неплохо вызывать и без всяких немцев, в чисто народохозяйственных целях. Почти половина всех советских пахотных земель из-за возможных засух находится в зоне рискованного земледелия.

А Ватила тем временем продолжала:

– А теперь, товарищи, давайте поговорим о предполагаемой численности артбригад ПТО. Исходя из пределов управляемости, легкий артиллерийский полк первого эшелона должен состоять из двух двенадцатиорудийных дивизионов противотанковых орудий калибром сорок пять миллиметров и одного дивизиона из шестнадцати тяжелых пулеметов ДШК. Пехотное прикрытие артиллерии первого эшелона будут осуществлять солдаты сидящих в траншеях линейных частей. Средний артиллерийский полк второго эшелона, должен состоять из двух дивизионов пушек Ф-22 или УСВ по двенадцать орудий, одного зенитного дивизиона в двенадцать автоматических зениток калибра тридцать семь миллиметров и стрелкового батальона пехотного прикрытия. То есть эти полки сами по себе являются вторым рубежом обороны против врага, прорвавшего первую линию – неважно кто это будет: танки или пехота. Тяжелый артполк третьего эшелона должен состоять из одного дивизиона сто семи миллиметровых пушек, двух дивизионов зенитных орудий калибром в восемьдесят пять миллиметров, одного зенитного дивизиона автоматических зениток калибра тридцать семь миллиметров и стрелкового батальона пехотного прикрытия. Дополнительно ко всем этим трем полкам в состав артбригады ПТО должен входить минно-саперный батальон, чтобы он мог строить дейчам козны по своей части. Обширные противотанковые минные поля и мощные фугасы в особо избранных местах заставят немецких танкистов острее почувствовать ценность собственной жизни...

– Борис Михайлович, – спросил Сталин маршала Шапошникова, – а вы что скажете по поводу предложенного штата?

Изображение Ватилы Бе в голопроекторе сменилось изображением прославленного советского маршала и начальника Генерального Штаба. А все из-за волшебных слов «Борис Михайлович», сказанных Верховным Главнокомандующим.

– Мы с товарищем Ватилкой, – сказал Шапошников, – уже обсуждали этот вопрос, и результат этого обсуждения вам и был сейчас представлен. Если задача ставится не просто «нанести потери и задержать продвижение», а «отразить и уничтожить» – то такой штат противотанковой артбригады при соблюдении правильной плотности расположения таких бригад по фронту вражеского прорыва будет наилучшим из возможных. Хороший такой темноэйджеловский фанерный пирожок с начинкой из сапожных гвоздей и битого стекла... Готу и прочим геррам генералам непременно понравится, особенно если кунут они его широко открытым ртом, как наш мягкий хлебушек.

– Теперь весь вопрос в том, – задумчиво сказал Сталин, – какую плотность расположения противотанковых артбригад товарищ Ватила считает необходимой и достаточной для создания устойчивой обороны на направлениях основных вражеских ударов?

– Товарищ Верховный главнокомандующий, – сказала та, напустив на себя строгий «учительский вид», – наш расчет строится из того, что с началом наступления каждый из четырех моторизованных корпусов дейчей всей силой навалится на одну вашу стрелковую дивизию. А если говорить точнее, то на два соседних полка из разных дивизий и желательно из разных армий. Удар встык – любимый прием тактиков дейчей; и именно в таких местах, заранее выяв-

---

² Применение йодистого серебра и других расходуемых реагентов не прекращает дожди, а просто заставляет их пролиться вне защищаемой от дождя зоны. То, что подразумевает Ватила Бе, это совсем другой процесс, при котором создается нисходящий поток воздуха и тучи истаявают как бы сами собой.

ленных при помощи нашей разведки, необходимо усиление в виде бригад противотанковой обороны РВГК. Чтобы ваш стрелковый полк мог выдержать удар танковой дивизии дейчей, его следует подкрепить как минимум двумя противотанковыми бригадами РВГК, а также соответствующим количеством маршевых пополнений, которые будут замещать убитых или раненых солдат и командиров. Пока дейчи не утомятся и штабелями не улягутся гнить перед вашими окопами, в первой линии ваших сражающихся войск боевой состав может смениться один или два раза. Таким образом, если считать по минимуму, при наличии у противника в строю восьми танковых дивизий, сведенных в четыре моторизованных корпуса вам будет необходимо сформировать шестнадцать противотанковых бригад РВГК. И это минимум. Если учитывать возможность разных непредвиденных обстоятельства, то число таких бригад нужно увеличить до двадцати четырех...

Сделав увесистую «мхатовскую» паузу, Ватила Бе закончила свой монолог.

– Как вы думаете, товарищ Верховный Главнокомандующий, – веско произнесла она, – сумеют ли ваши подчиненные всего за месяц, пока дейчи собираются в очередной эпический поход на Восток, сформировать эти противотанковые артбригады, провести с ними боевое слаживание, перебросить их в район предполагаемого вражеского прорыва и разместить на оборудованных позициях – да так, чтобы при не опоздать при этом к назначенной не нами дате? А ведь только указанное мной количество таких противотанковых бригад, находящихся в непосредственном подчинении Верховному Главнокомандующему, обученных, слаженных и заблаговременно размещенных в оборудованных позициях на направлениях основных вражеских ударов, вкупе с тяжелыми гаубичными артполками, предназначенными для контрбатарейной борьбы, смогут остановить вражеский натиск и похоронить атакующих дейчей перед окопами вашей пехоты. В любом другом варианте благоприятный исход для ваших войск не гарантирован, и нам опять, – как говорят у вас, на коленке, – придется мастерить какой-нибудь чудо-план, чтобы превратить хаос и сплошное безобразие хоть в какое-то подобие победы. А платить за все это своей кровью будут ваши солдаты, которые есть настоящие герои и достойны много лучшего отношения к себе.

В кабинете вождя наступила томительная тишина. Задача, с учетом еще непреодоленного бардака, оставшегося в РККА после Тимошенко (а местами даже после Ворошилова) была невыполнимой, причем даже не с материальной стороны. Артиллерийских орудий нужных марок с обученными расчетами, еще не задействованных в боевых действиях, хватило бы и на пятьдесят таких противотанковых бригад. Вопрос был в организации: в кратчайшие сроки требовались решить, откуда снять эти пушки, затем оформить все необходимые документы и перебросить по зеленой улице в район будущего сражения. Если учесть, что некоторые батареи или даже целые дивизионы будут ехать с Кавказа, Урала или даже из Средней Азии, на все это уйдет не меньше двух-трех недель. А когда в таком случае проводить формирование бригад, их боевое слаживание и хотя бы минимальную отработку задач на местности? А то получится как двадцать второго июня, когда в общем и среднем сил вроде бы достаточно, но ничего еще не готово, никто ничего не понимает, где-то еще не назначены командиры дивизионов и полков, по причине чего каждая отдельно взятая батарея начинает воевать в силу собственного разума... Ничего хорошего из этого получиться не может.

– Есть мнение, – наконец сказал Верховный, – что всему этому делу необходимо присвоить наивысший приоритет срочности. Вы, товарищ Василевский, в трехдневный срок должны определить, из состава каких стрелковых и танковых дивизий во внутренних округах мы наиболее безболезненно сможем изъять артиллерийские батареи и, быть может, даже целые дивизионы с готовой оргструктурой и командирами. Я имею в виду в первую очередь сорокапятимиллиметровые противотанковые пушки и дивизионные орудия калибром семьдесят шесть миллиметров. Зенитно-артиллерийские полки, вооруженные орудиями калибра восемьдесят пять и тридцать семь миллиметров, берите прямо из Московской зоны ПВО, немедленно гру-

зите в эшелоны и по зеленой улице направляйте в Смоленск. Пока в небе присутствуют истребители с «Полярного Лиса», о существовании люфтваффе можно попросту забыть, поэтому на фронте эти зенитные пушки будут гораздо нужнее.

– Так точно, товарищ Сталин, – ответил Василевский, записав в блокнот поручение вождя, – все будет исполнено точно в срок и даже раньше.

– Очень хорошо, – кивнул Сталин, тоже сделавший пометку в своем блокноте. – После того как необходимые для изъятия подразделения будут определены, туда с предписаниями должны вылететь офицеры генштаба. Товарищ Ватила, только ваши имперские шаттлы и бомбардировщики смогут самым быстрым способом перебросить личный состав и матчасть из отдаленных уголков нашей страны в район проведения Смоленской оборонительной операции. Ведь, насколько я понимаю, у ваших бомбардировщиков имеется возможность перевозить в своих бомболюках не только бомбы, но и другие грузы?

– Разумеется, товарищ Верховный Главнокомандующий, – согласилась Ватила Бе, – вы только скажите, а еще лучше, покажите нашим серым, что нужно перевезти – и они тут же соорудят соответствующую подвеску, лишь бы это «что-то» влезло в габариты бомбоотсека.

Вождь сухо кивнул.

– Именно поэтому, – сказал он, – я и приказал самую габаритную технику отправить по железной дороге из Москвы, а вот остальное нужно собирать по всей стране. Но с вашей помощью мы сумеем сэкономить две, а то и три недели. Но это еще не все. Для подстраховки, в качестве резервного варианта, мы примем и ваш первоначальный план, – его исполнением займется товарищ Рокоссовский. Для этого подчиненную ему тринадцатую армию следует скрытно вывести из Бобруйского выступа и разместить на смоленском направлении в глубине обороны. Там же разместятся наши новосформированные танковые бригады товарищей Борзилова, Лизюкова, Катюкова и Ротмистрова. Товарищ Рокоссовский, на вас ложится особая ответственность. В том случае, если немцы все же прорвут фронт, вы получите все необходимые полномочия, приравненные к полномочиям командующего фронтом – для того, чтобы осуществить резервный, а на самом деле первоначальный, план товарища Ватилы Бе. Подчиненные вам войска должны отрезать германские подвижные соединения от пехоты и снабжения и наголову их разгромить (как уже был разгромлен зарвавшийся нахал Гудериан), а потом с помощью подошедших резервов нанести поражение и остальным вражеским войскам на Смоленском направлении. Вам все понятно, товарищ Рокоссовский?

– Так точно, товарищ Сталин, – ответил Рокоссовский, – все.

– Тогда, товарищи, – кивнул вождь, – цели определены, задачи поставлены, поэтому за работу! А ты, Лаврентий и ты, Вячеслав, останьтесь. Есть еще один важный разговор.

Там же, несколько минут спустя.

Сначала отключился голопроектор для телеконференций, потом кабинет покинули генерал Василевский и Малинче Евксина; и вот там остались только вождь и два его старых соратника.

– Итак, – сказал Сталин, кроша в трубку папиросу «Герцоговина Флор», – мы подошли к моменту, когда можно подводить некоторые предварительные итоги. И, если верить имперской разведке, они таковы, что кувырком полетел не только германский план Барбаросса. К нам так и не прилетел посланец президента Рузвельта Гарри Гопкинс, который должен был договариваться о ленд-лизе. И знаете, что мне ответила товарищ Малинче, когда я спросил ее, что бы это могло значить?

– Наверное, – ответил Молотов, – она сказала, что Советский Союз теперь пугает американских империалистов ничуть не меньше, чем Гитлеровская Германия?

– Верно, Вячеслав, – кивнул Сталин, – после того как мы официально объявили о подписании с товарищами из Галактической Империи соглашения о присоединении, многих в Бри-

тании и за океаном охватило, мягко выражаясь, беспокойство. Встревожился и наш восточный сосед. Самураям становится неуютно при мысли о том, что мы можем с ними сделать после того, как покончим с Гитлером. А что мы с ними покончим, ни у кого сомнений нет, даже в Токио.

– Постой, Коба, – спросил Молотов, – а откуда товарищу Малинче известны такие подробности? Мы, конечно, получаем кое-какую информацию по дипломатическим каналам, но я бы не стал утверждать, что знаю, о чем думают самураи.

– Дело в том, – сказал вождь, – что с того момента, когда «Полярный Лис» прибыл к Земле, имперские товарищи на полную мощность задействовали весь свой комплекс разведывательной аппаратуры. Для начала это было необходимо их военным для того, чтобы планировать собственные операции и ставить в известность нас о местоположении вражеских и наших частей...

– Есть сведения, – сказал Берия, – что многие командующие фронтами были крайне удивлены тем фактом, что ты, Коба, владеешь положением их войск даже лучше, чем они сами.

– И это тоже, – кивнул вождь и, чиркнув спичкой, в две затяжки раскурил трубку, – но еще больше их удивило бы то, что я знаю, кто из них добросовестно заблуждается, а кто врет мне намеренно. Обманывать товарища Сталина может оказаться себе дороже. Так вот, данные, которые использует тактический планшет, это только часть информационного потока, поступающего от их разведывательной системы. Полный объем информации доступен только социоинженерам. По словам товарища Малинче, их военным тактикам все многообразие сведений требуется редко, но и тогда они обращаются за консультацией к социоинженерам. Например, тогда, когда определяют на чужой планете район высадки, где их массированный десант встретит наименьшее сопротивление и наибольшую поддержку у местного населения.

– Насколько я понимаю, – задумчиво сказал Берия, – у нас тут дело зашло гораздо дальше, чем обычный десант на чужую планету. Можно даже сказать, Коба, что они нас захватили без единого выстрела.

– Или мы их взяли, – пыхнул клубом дыма Сталин, – и тоже без единого выстрела. Все синяки и шишки достались только Гитлеру, ну и еще некоторым товарищам, которые нам совсем не товарищи. Ты сам посуди, Лаврентий: выгода-то для нас взаимна. Без нас им здесь вряд ли кто-нибудь будет подчиняться, при том, что со своим немарксистским социализмом они не смогут ужиться ни с классическими капиталистами Европы и Америки, ни с японскими самураями, ни с нацистами Гитлера. Товарищ Малинче сказала, что как только при подлете к Земле они включили свою разведывательную аппаратуру, стало ясно, что в качестве исходного материала для построения их империи подходит только Советский Союз, остальные же общественно-политические формации годятся только под снос. А мы без них понесем слишком большие потери, что в результате заставит нас пойти на поклон к нашим злейшим врагам – британским и американским капиталистам. Вы оба имеете доступ к Синей Книге и должны помнить, сколько времени продлилась дружба между Советским Союзом и британо-американским альянсом после того, как гитлеровская Германия и самурайская Япония оказались разгромлены и польза от такого альянса стала неочевидной. ТОГДА прошло не более двух лет с момента победы над общим врагом, а былой дружбы как не бывало. Так, может, это и хорошо, что мистер Гопкинс не спешит в Москву уговаривать нас вступить в их Атлантический пакт? Есть мнение, что если дружба с англосаксами такая скоропортящаяся штука, то нам не стоит и пытаться ее начинать. Да что там далеко ходить: мы же помним их так называемое моральное эмбарго – американцы установили его против СССР за то, что он осмелился воевать с их марионетками белофиннами.

– Не знаю, не знаю, Коба, – с сомнением произнес Берия, – справимся ли мы своими силами. Товарищи ученые и инженеры из Остехбюро, работающие над достижением технологического прорыва, буквально завалили меня заявками на приборы, оборудование и аме-

риканские высокоточные станки. У нас самих такое пока не производят. Ремонтные мастерские «Полярного Лиса» имеют свои ограничения. Во-первых – они неспособны воспроизвести крупногабаритные изделия; во-вторых – в основном мы им заказываем штучные приборы и малогабаритные станки с применением полного набора имперских технологий; для серийного производства их оборудование на корабле просто не предназначено и, к тому же в значительной степени оно работает по непосредственным военным заказам.

– Почти весь необходимый ассортимент оборудования, – задумчиво произнес Молотов, – имеется в Европе – по большей части в Германии и отчасти в Чехии и Франции...

– Поэтому, – твердо сказал вождь, – мечты господина Гитлера о войне до последнего немца так и должны остаться мечтами. Европа и, в частности, Германия, нужны нам целенькими, с неразрушенным промышленным потенциалом, а также живым и здоровым населением. А потом – кто не с нами, тот против нас. И тогда с учетом технологического и морального превосходства получится война малой кровью на чужой территории.

– Так что же это получается, Коба, – спросил Молотов, – возврат к идее Мировой Революции, от которой ты уже успел отказаться?

– Ничего ты не понял, Вячеслав, – вздохнул Сталин, – я отказался от нереалистичной идеи о том, что европейский пролетариат восстанет и скинет своих угнетателей. Для этого в Европе слишком слаба классовая солидарность и велико желание каждого отдельного пролетария в один прекрасный день превратиться хотя бы в мелкого буржуа. Ну какое в таком случае может быть общенародное восстание и пролетарская революция, если европейские пролетарии считают справедливым любой шаг, который приближал бы их к заветному статусу буржуа, и вся их борьба сосредоточена вокруг более справедливого распределения доходов от ограбления заморских территорий? Наглядным примером тому служит история гитлеровской Германии, где критически большое количество рабочих и крестьян пожелали стать помещиками и капиталистами за счет разрушения и ограбления СССР. Они были глухи к голосам, призывающим их к классовой солидарности, но начинают воспринимать пропаганду имперских товарищей, которые говорят им только две вещи: «Берегись, я иду» и «Сдавайся или умри». Никто из них не хочет драться насмерть за свои идеалы, достойные только грабителей и убийц. Именно поэтому я вернулся к идее Мировой революции после того, как появилась возможность привнести ее в Европу на штыках победоносной Красной Армии. Теперь тебе понятно, что в любом другом случае эта идея была бы нежизнеспособна?

– Да, понятно, – кивнул Молотов и тут же спросил: – А как ко всему этому относятся имперские товарищи? Насколько я понимаю, их имперский социализм довольно густо приправлен самым махровым капитализмом.

– Имперские товарищи, – ответил вождь, – каперанг Калинин, Ватила Бе и Малинче Евксина целиком со мною согласны и отнеслись к этому плану с одобрением. Сроки, отведенные на завершение этапа внутрипланетных войн и начала строительства всеобщего государства трудящихся, у них весьма короткие...

– Да уж, – усмехнулся Берия, – наша пресловутая мировая буржуазия, наверное, и не подозревает, какие веселые события ждут ее в ближайшее время. Из хозяев жизни – в лучшем случае в пеоны. Кто-то заплатит за все, лишившись большей части капиталов, а кто-то – и самой жизни. При этом неумолимые социоинженеры будут решать, кто и где будет жить, чем заниматься и во что верить. Ведь если я правильно понял имперских товарищей, то сразу после нашей окончательной победы всю землю ждет еще одна индустриализация, технологический рывок, сопоставимый только с переходом от первобытнообщинного строя к развитому социализму.

– На самом деле, – буркнул Сталин, – у буржуазного строя гораздо больше общего с рабовладением. И там, и там рабочий – это говорящее орудие без всякой человеческой индивидуальности. Феодализм на фоне буржуазного строя и то выглядит более человечным. На да ладно.

Как я уже говорил, как раз-таки мировая буржуазия уже всю подозревает, что за нею пришли. Красная пятиконечная звезда и русская надпись на борту имперского крейсера не оставляют у них в этом никаких сомнений. Но главное даже не в красной звезде. Можно говорить на одном и том же языке и воевать под одними и теми же красными знаменами, но быть при этом самыми непримиримыми врагами. И так тоже бывает. В Испании последователи господина Троцкого войне с франкистами предпочли ударить Республике в спину. Поэтому главное в том, что из четырех крупнейших держав, явно или неявно сражающихся за господство над миром, имперские товарищи выбрали в союзники именно первое в мире государство рабочих и крестьян, а не Соединенные Штаты Америки, Великобританию, гитлеровскую Германию или самурайскую Японию. К тому же наследники покойного доктора Геббельса криком исходят на радио, голоса об угрозе западной цивилизации со стороны ужасных демонических пришельцев из космоса, которые скоро будут живьем варить себе на завтрак маленьких розовых европейских младенцев. И это при том, что сами германские фашисты такие твари, что ради освобождения жизненного пространства для своей нордической расы готовы убивать людей сотнями тысяч и миллионами. И эта пропаганда находит отклик, в том числе и за океаном, тем более что официально Америка с Германией не воюет и после периода некоторых ограничений, выпавшего на начало войны с СССР, гитлеровская пропаганда распространяется вполне свободно. И результат этой свободы – налицо. Товарищ Малинче говорила, что в последнее время глобальное психосканирование Земли, которое они ведут в постоянном режиме, стало показывать существенные изменения в состоянии психоэнергетической оболочки нашей планеты.

– Погоди, Коба, – поднял руку Молотов, – шо це таке психоэнергетическая оболочка и можно ли ее пощупать? Нет ли здесь какого-либо шарлатанства, противоречащего материалистическому представлению о мире?

– Вячеслав, – с ехидцей произнес вождь, – электричество тоже не видно невооруженным взглядом, но оно вполне материально. Рискнешь ли ты щупать попавшийся тебе на дороге оголенный провод, только чтобы проверить факт его наличия? То-то же! Товарищ Малинче говорит, что чем больше людей живут поблизости друг от друга, а также чем больше эти люди развиты и чем интенсивнее их общение, то тем гуще над тем местом психоэнергетическое поле. Сканеры имперского крейсера обладают достаточно хорошей разрешающей способностью и могут в толпе людей выявить одного с нужными психическими характеристиками, или, наоборот, получить характеристики некоего усредненного настроения психики большой группы людей в каком угодно масштабе, вплоть до целого государства. Так можно измерить настроения народа.

– Понятно, – кивнул Берия, – лучше заранее обнаружить очаг недовольства и принять соответствующие меры, чем потом подавлять уже разгоревшийся вооруженный мятеж.

– В общем правильно, Лаврентий, – кивнул вождь, – хотя товарищ Малинче сказала бы, что у тебя несколько примитивное восприятие того, для чего имперские власти проводят тотальное психосканирование своих планет. Но вернемся к нашим делам. Так вот, если рост позитивной мотивации у народов Советского Союза, а также увеличение уровня пессимизма и чистой злобы на территории Германии были нами вполне ожидаемы, то другие данные, – те, что мы получили при сканировании территорий крупнейших буржуазных стран, еще не вовлеченных в мировой конфликт, – заставляют нас задуматься. Как я уже говорил, с момента как наша армия стала одерживать неожиданные победы на территории Британских островов и Соединенных Штатов Америки, нас стали опасаться, и постепенно эти опасения переходят в страх. В Британии, находящейся под непосредственным ударом Гитлера, эти явления слабее, в Америке сильнее. Кроме того, Америка, и с запада и с востока прикрытая от потенциальных врагов двумя океанами, впервые почувствовала себя уязвимой. Имперским товарищам, действующим со своего крейсера на околоземной орбите, абсолютно безразлично, в какой части планеты расположена их цель. Ровно с той же эффективностью, как и в Слоним-Ивацевич-

ской операции, они могут действовать в районе Лондона, Вашингтона или Чикаго. Страх – это плохое чувство, оно может толкнуть на совершение непоправимых глупостей как отдельных людей, так и целые государства. Правда, мы не думаем, что Британия или Америка выступят против нас в союзе с Гитлером. Это исключено. Для большей части их правящего класса это лютей враг страшнее коммунистов. Но если Гитлер вдруг умрет, а его преемник на сто восемьдесят градусов изменит политику по отношению к евреям, то не исключено, что все капиталистические страны, включая Японию, выступят против нас единым строем. Но пока Гитлер жив, это невозможно, поэтому дураков будут искать на стороне, например в Японии. Самураи, правда, тоже себе на уме. Сейчас они увязли в войне с Китаем, – и эта война, вязкая и липкая как смола, все никак не хочет кончаться. Китайцы плохие солдаты, особенно когда не особо отчетливо понимают, за что воюют, но их очень много, к тому же в Китае тоже есть коммунисты – а они дерутся яростно, не щадя своей жизни, как это и положено борцам за дело Маркса-Энгельса и товарища Ленина...

Берия с сомнением покачал головой.

– Самураи – они, конечно, по-своему безумны, – сказал он, – но не думаю, чтобы они сейчас приняли решение напасть на нашу страну. И дело тут даже не в осторожности и угрозе разгрома. В настоящий момент им отчаянно нужна собственная нефть, а ее не добыть при нападении на Советский Союз. Нефтяные месторождения имеются в британских и голландских владениях в Ост-Индии. Голландия уже год как прекратила свое существование, а Британия уже ведет тяжелую войну в Европе. Удар на Дальнем Востоке со стороны японцев будет для нее тяжелым, почти смертельным испытанием...

– Неизвестно с чего, – сказал Молотов, – в Токио свято уверены, что их нападение на Ост-Индию быстро повлечет за собой вступление в войну США, и эта уверенность в неизбежности японо-американской войны может стать причиной подготовки плана превентивного нападения на американские базы на Тихом океане, что будет для Японии форменным самоубийством.

Берия скептически хмыкнул и сказал:

– Причина японской уверенности в неизбежности нападения на них американцев понятна и исходит она (или, точнее, исходила) от самого Рузвельта, которому отчаянно нужна война, чтобы вывести Америку из самоизоляции, куда ее загнала доктрина Монро. Сам он объявить войну не сможет ни при каких обстоятельствах, потому что Конгресс, переполненный изоляционистами, тут же наложит на это решение вето. Нападение японцев на одну или несколько американских баз – единственный способ выпустить Америку из ее самоизоляции, как засидевшегося цыпленка из яйца. Но в последнее время, как нам стало известно, Рузвельт заколебался в правильности такого шага. Совсем недавно, уже после введения полного эмбарго на поставки нефти, японские представители получили предложения, от которого Япония, по мнению американцев, не сможет отказаться. Америка снимет нефтяное эмбарго, восстановит для Японии режим наибольшего благоприятствования в торговле и, быть может, даже расщедрится на ленд-лиз, лишь бы самураи забыли о поражении под Халкин-Голом и пошли священным походом на СССР и их союзников из космоса...

– Верно, Лаврентий, – кивнул Сталин и спросил: – Но тебе-то откуда это известно? Насколько я знаю, твои агенты так высоко не летают...

– Знаю я об этом оттуда же, откуда и ты, Коба, – ответил Берия, доставая из внутреннего кармана своего штатского пиджака имперский командирский планшет, – обзавелся этой штукой, когда занимался делом Павлова, так что теперь я читаю политические информационные обзоры Ипатия одновременно с тобой и их командиром каперангом Малининым.

– Хорошо, Лаврентий, – кивнул вождь, – теперь я буду иметь в виду, что ты информирован почти так же хорошо, как и я. А теперь давай вернемся к японцам. Я думаю, они понимают, что в случае войны против СССР их не спасет никакой американский ленд-лиз. Особенно если к тому моменту Германия будет уже разгромлена и капитулирует.

– А я думаю, – ответил Берия, – что пока они это только подозревают. Твердой уверенности у них нет, а выбор делать надо. Запасы нефти в Японии непрерывно тают, и до тех пор, пока они не закончились, японцам надо либо добиться отмены американского эмбарго, либо завоевать так необходимые им нефтяные месторождения. И выбор с их точки зрения почти равнозначный. И тут самоубийство, и там тоже самоубийство. Но есть одно маленькое «но». Американцы Японию от ярости «Полярного Лиса» защитить не сумеют, а вот «Полярный Лис» защитить их от американцев вполне способен. Но об этом в Токио тоже не столько знают, сколько догадываются, поэтому я думаю, что они будут ждать подтверждения своим догадкам. И таким подтверждением должен стать итог Смоленской операции. Сумеет ли разгромить врага и отобрать у него и инициативу – и японские посланцы, облеченные доверием своего императора, появятся на пороге этого кабинета с предложением мира и союза. Не сумеет ли добиться победы – и упустит уникальную возможность, и тогда японские самураи нападут на нас, подталкиваемые в спину всей американской промышленной мощью.

– И это тоже верно, Лаврентий, – согласился Сталин, – результат грядущего сражения будет для нас крайне важным. Но подготовиться к будущему визиту японских дипломатов нам тоже следует надлежащим образом, в первую очередь согласовав наши позиции с товарищем Малининым. Это он будет нашим главным козырем на предстоящих переговорах. Ты, Вячеслав, должен дожать японцев на военно-политический союз, со всеми вытекающими из этого факта последствиями. Так что готовься к этой работе самым настоящим образом...

После того как все ушли, Сталин подошел к рабочему столу и на некоторое время погрузился в работу. Из того, что было сказано в этом кабинете в последний час, могла выйти великолепная речь о международном положении. Но это уже без его участия. Ипатий, если дать ему задание, напишет на основе произнесенных в этой комнате слов талантливую речь, которую, если потребуется, сам же и зачитает на радио и телевидении.

Но товарищ Сталин решил последней услугой не пользоваться. Он сам не хуже Ипатия выступит перед объединенным заседанием членов ЦК и депутатов Верховного Совета, а потом радио разнесет ее по территории СССР и всего мира.

3 августа 1941 года, около полудня. Сталинградская область, поселок Прудбой, место формирования 4-й танковой бригады³.

Командир бригады, полковник Катукوف Михаил Ефимович.

Когда мы дрались с немцами под Клеванью (уже пешие, поскольку все наши танки сгорели в первом же бою), то могли только издали любоваться на «белых защитников», рассекающих небеса на недостижимой высоте. Они были наверху, а мы внизу. И лишь иногда то одна, то другая пара стремительных острокрылых машин, видимо, маясь от безделья, спускалась с небес, чтобы самоприцеливающимися снарядами, бомбами и раскаленными добела лучами отштурмовать вражеские позиции (раз уж немецкие летчики попрятались, не желая становиться легкой добычей). А как-то раз ночью на той стороне фронта мы наблюдали серию ярчайших вспышек и зарево на полнеба. И только потом стало известно, что это таким образом прекратила свое существование перебрасываемая к фронту моторизованная дивизия СС, которая уже на следующее утро должна была перейти в наступление на нашем участке. В те

---

³ В данной версии реальности, где июнь и июль месяц сорок первого года не были столь катастрофичными для РККА, как в нашем прошлом, танковые части, потерявшие всю боевую технику, гораздо раньше стали снимать с фронта и отправлять в тыл на переформирование. Танковые экипажи, воюющие в пехоте, были признаны вопиющей халатностью и разгильдяйством, и уже во второй половине июля командиров, своевременно не отправивших в тыл «безлошадные» экипажи, принялись снимать с должностей и отдавать под трибунал. К тому же советское командование, не размахиваясь вширь, в первом эшелоне решило сформировать только четыре танковых бригады «нового штата», а две из них: 1-я тбр генерал-майора Борзилова и 2-я тбр полковника Лизюкова, – уже имеют в своем составе значительное количество современных танков КВ-1, Т-34 и даже КВ-2. И воюют на этих машинах танкисты, уже получившие боевой опыт в Слоним-Ивацевичском и Борисовском сражениях.

дни я еще не догадывался, что совсем скоро передо мной откроются такие тайны, о которых я прежде не мог и мечтать, потому что даже не догадывался об их существовании.

Потом на позициях нас сменила свежая стрелковая дивизия, подошедшая из глубины страны, а мы, танкисты без танков и артиллеристы без пушек, погрузились в эшелон и отправились в глубокий тыл на переформирование. И приехали мы в поселок Прудбой, где все, что осталось от расформированной 20-й танковой дивизии, превратится, как нам сказали, в 4-ю танковую бригаду, нового облика. Казалось бы, была дивизия, а стала бригада – явное понижение в статусе; но на самом деле рост боевой мощи оказался весьма значительным. В двадцатой дивизии у нас не было ни одного современного танка, только БТ-5 и Т-26; а тут, кроме двух батальонов на Т-34 и КВ-1, в состав бригады входила тяжелая танковая рота на монструозных КВ-2. Как объяснил нам присланный в качестве инструктора старший лейтенант, участник боев под Борисовым, немецкие танкисты, едва завидев эти танки, начинают жидко гадить прямо под себя, и тогда главное – не поскользнуться на их экскрементах. В доказательство всего сказанного в один из вечеров личному составу был показан фильм, смонтированный из того, что наши фронтовые кинооператоры смогли снять во время боев за Борисов. И одним из фрагментов этого фильма был как раз расстрел в упор двумя танками КВ-2 атакующих колонной нескольких германских Т-IV. Ни одна тварь не ушла живой, а зрелище разлетающихся во все стороны обломков доставило нам немалое удовольствие.

Да что там КВ-2! Я даже сразу не узнал своих старых знакомых – танки БТ-7, которые поступили на вооружение разведывательных подразделений нашей бригады. Чьи-то безжалостные руки выдрали из них механизмы привода колесного хода, облегчив машину и превратив ее в чисто гусеничный танк, а также заменили обычные для БТ узкие ходовые катки и гусеницы на широкие⁴ от Т-34. В результате давление на грунт снизилось до четырехсот грамм на квадратный сантиметр и сравнилось с тем, которое свойственно пешему солдату. Как раз то, что нужно для разведывательного танка. В болото я бы эту машину загонять не стал, а вот по сыпучим и прочим неустойчивым грунтам она движется прекрасно, с вполне приличной скоростью. Кстати, у немецких легких танков, используемых противником для разведки, гусеницы узкие – а значит, они будут застревать там, где с легкостью проходит разведывательный БТ-7.

Но не эти изменения в конструкции были главными. Вместо обычной для таких танков пушки калибром в сорок пять миллиметров из башен этих машин, облепленных плитками дополнительной защиты, торчали спаренные рыла новейших скорострельных авиапушек калибром в двадцать три миллиметра. В правую пушку планируется заряжать ленту, набитую бронебойными снарядами, а в левую – осколочно-фугасными. Огонь при этом можно вести как из двух пушек одновременно, так и из каждой по отдельности. Все зависит от типа обстреливаемой цели. Если это танки с пехотой на броне, тогда по врагу синхронно бьют сразу два ствола, а если только пехота или только танки, то один. Хотя бронебойными болванками по плотной массе пехоты тоже должно получиться интересно: все в ключья и брызги крови веером.

Но наибольшим потрясением для меня стала встреча с главным тактиком Ватилой Бе, а также техническим персоналом из так называемых «серых», которые ловкими руками быстро превращали наши танки в каких-то непонятных мутантов. История о том, как космический крейсер Галактической империи присоединился к священной борьбе Советского Союза против немецко-фашистских захватчиков, потрясла меня до глубины души. Сразу, едва прибыв к окрестностям нашей Земли, эти имперские товарищи выбрали сторону в этой войне и включились в нее со всем возможным энтузиазмом. Белые защитники в небе над нашими головами – это были это они, сражения под Слоним-Ивацевичами и за Минск – это тоже они; и даже бом-

---

⁴ Такой гибрид БТ-7 и Т-34 выставлен в парке на Поклонной горе. Так получилось потому, что остов танка БТ-7 восстанавливали тем, что имелось под рукой, то есть катками и гусеницами совместимыми с линейкой советских танков Т-34, Т-44, Т-54, запчасти к которым до сих пор кое-где остались на складах. И пусть там такая конструкция получилось случайно, но почему бы и не применить ее в разведывательном танке.

бовый удар по Берлину, поубивавший множество нацистских бонз, совершила их эскадрилья тяжелых бомбардировщиков. Обычные на вид люди, темные эйджел, горхи, сибхи и многочисленные, гм, гибриды, в едином строю с советским народом отражают вражеское вторжение и объясняют дейчам, то есть немцам, как плохо они сделали, когда пошли за этим недоумком Гитлером.

Так вот – главный тактик крейсера товарищ Ватила Бе, которая в военном деле сведуща гораздо больше, чем многие наши генералы, у себя в империи носила звание капитана второго ранга (то есть подполковника), а у нас товарищ Сталин за выдающиеся успехи в разрушении планов врага присвоил ей сразу генерал-лейтенанта и назначил главным военным консультантом Генштаба.

– Разведчику обычная редко стреляющая танковая пушка как бы и ни к чему, – сказала она мне при обсуждении достоинств и недостатков нового разведывательного танка. – Столкновения с врагом если и произойдут, то будут очень скоротечными, и чаще всего противником ваших разведчиков будет либо вражеское передовое охранение, либо выставленные на прямую наводку противотанковые батареи, либо такие же механизированные разведывательные группы. И тут автоматическая пушка имеет существенное преимущество перед обычным танковым оружием, пусть даже и большего калибра. У дейчей в каждой танковой роте имеется разведывательный взвод из пяти легких танков, которые в наступлении должны следовать впереди своих подразделений, нащупывая соприкосновение с врагом. Пушка у них тоже мелкокалиберная и автоматическая, но она изрядно уступает вашей и по скорострельности, и по мощи снаряда; ну а бронирование на их танках-двойках – почти такое же, как и на ваших легких танках, даже еще не усиленных по защите. Вы их на встречных курсах с гарантией достанете с расстояния в километр, а они вас, если учесть накладную керамическую броню – не больше чем со ста метров, то есть практически в упор. В столкновении больших танковых масс преимущество получает тот, кто первым сможет лишить врага разведки и заставить действовать наугад. Никогда не забывайте о разведке и перепроверяйте информацию с командирского планшета действиями собственных разведвзводов. Тот, кто придерживается этого правила, помирает в почтенном для своего вида возрасте, в собственной постели, в окружении любящих родственников, а не молодым на поле боя, в кольце врагов. Но вы же, Михаил Ефимович, военный гений, и сами должны понимать, что к чему...

Последняя фраза, сказанная с милой улыбкой, обнажающей чуть заостренные зубы, ввела меня в недоумение и, можно сказать, шок. До этого момента я старался не замечать ни темносерой (почти черной) кожи, ни роста «коломенская верста», ни тонкого хвоста с рыжеватой кисточкой на конце, но когда товарищ Ватила так запросто назвала меня военным гением, я остолбенел. Честно скажу, никогда не думал о себе в таком разрезе. Воевал – да, считаю, неплохо; труса не праздновал и глупостей не делал – но и только. Обычный чернорабочий войны – и тут раз вдруг, еще и «гений»...

И ведь кто меня назвал гением? Особа, которая, как мне уже было известно, в приграничном сражении в фарш покрошила, посолила, поперчила и употребила немецких генералов на завтрак вместе с омлетом. Это у нас на Украине положение было просто тяжелым, в Белоруссии же состояние дел нельзя было описать цензурными словами, без применения отборного мата. Но – раз-два-три – и наши прорывающиеся из окружения войска сначала сильно надавили в одном месте, а потом, внезапно изменив направление удара, плотно оседлали важнейшую вражескую линию коммуникаций и, несмотря ни на какие атаки германской пехоты и танков, удерживали ее до тех пор, пока было необходимо. И потом вдруг выяснилось, что план вражеского наступления сломал не генерал-лейтенант Болдин, который передавал в войска уже готовые решения, а вот эта самая особа... Одним движением бровей она отправила в сортир многомесячный труд германских штабистов, выиграв для СССР драгоценные первые недели внезапно начавшейся войны.

– Я вас не понимаю, товарищ Ватила, – сказал я, нервно одергивая гимнастерку. – На самом деле я не гений, а обычный советский командир, старающийся делать свое дело наилучшим образом.

– Успокойтесь, Михаил Ефимович, – сказала она. – Я знаю, что вы еще только учитесь, но уже сейчас, если бросить вашу бригаду в настоящее дело, за ручку вас водить не понадобится, достаточно будет обозначить общее направление и только изредка давать советы. А еще вы способны самостоятельно находить нестандартные решения. Вот увидите – впереди у вас большое будущее, почти такое же большое, как у вашего бывшего командира товарища Рокоссовского. Вот уж с кем легко было работать, достаточно было держать руку на пульсе и ни во что не вмешиваться, а остальное он сделает сам.

– Но, товарищ Ватила... – попробовал я возразить, – настоящий гений – это вы. Вряд ли у кого из нас получилось бы с таким блеском провести Слоним-Ивацевичскую, да и Минскую операции.

– Да что вы, Михаил Ефимович! – отмахнулась она. – Слоним-Ивацевичская операция вообще не требовала никакой гениальности. Чтобы сломать чужие шаблонные действия, большого ума не надо. Достаточно просто не быть дураком и иметь представление о точном расположении своих и вражеских войск. Одним словом, хорошая разведка, надежная связь и никакого мошенства. Ручки-то – вот они. Тактики дейчей сознательно пошли на риск, оставив зазор между своими подвижными войсками и следующей за ними пехотой, и не вклиниться при возможности в эту дыру было бы непростительной глупостью. Нам было достаточно направить по истинному пути несколько глубоко второстепенных командиров, а потом заострить на этой проблеме внимание товарища Сталина. Остальное доделали ваши солдаты и командиры – они сумели и выполнить, и перевыполнить первоначальный план. Вот кому после войны стоит отлить большой памятник в бронзе.

Немного помолчав, она неожиданно добавила:

– А Минская операция и вовсе не потребовала от нас каких-то особых усилий, достаточно было определить ключевую позицию и назначить туда правильного человека, а потом только следить, чтобы он исправно получал необходимое снабжение – и кровь врага потекла рекой. Вот и вы будете таким же; мы даем вам в руки пробивной инструмент, который будет еще улучшаться по мере разработки новой техники и внедрения наших технологий, а ваше дело – применить его надлежащим образом – так, чтобы враг пожалел, что вообще начал эту войну.

И вот ведь какое дело... Больше с товарищем Ватилкой я не встречался (очевидно, у нее нашлись более важные дела, чем водить за ручку какого-то полковника), но, несмотря на это, во всем происходящем с нашей бригадой я видел ее руку. Недостаточно получить новую технику, необходимо еще довести ее до ума. Началось все с того, что серые вместе с нашими мехводами стали перебирать трансмиссии и двигатели новеньких, прямо с завода, танков Т-34 и КВ, попутно объясняя, почему это деталь сломается через сто километров пробега, а вот эта – через пятьсот... На белых самолетах-шаттлах, вертикально опускавшихся прямо в нашем лагере, откуда-то привозили замену бракованным деталям. И, как нам сказали, после всех этих переделок межремонтный пробег наших машин мог достигнуть двадцати тысяч километров.

Едва закончили эту работу, как в Прудбой прибыли представители артиллеристов, привезли для Т-34 и КВ-1 новые пушки, Ф-34У (У – значит «удлиненные»). Пятьдесят два калибра – такого раньше и не видели. Сначала пушки были коротенькими, потому что иного не позволяла промышленность, а потом удлинению орудий стали противиться генералы с большими звездами, считая, что с длинноствольной пушкой танк не сможет таранить препятствия, а еще при движении по сильнопересеченной местности она будет цеплять стволом за землю. Я бы мог ответить, что прошибать тараном стены не является главной функцией танка, зато возможность поражать цели на большем расстоянии и с большей точностью стоит удлинения

ствола орудия. К тому же, по новому наставлению, мы теперь в походном положении не держим ствол параллельно земле, а приподнимаем его на двадцать градусов к горизонту.

Одновременно с заменой орудий башни самые уязвимые (и обстреливаемые) места корпусов Т-34 и КВ дополнительно обклеили керамическими пакетами сменной защиты. С БТ-7, как я уже говорил, такая работа была проделана еще раньше. Стоит эта керамика копейки, заменяется быстро, а при попадании в такую плитку головная, заостренная часть бронебойного снаряда выкрашивается и сплющивается – и он бьет в основную броню уже не острием, а изломаченным торцом. Когда я впервые взял в руки эти похожие на кирпичи легкие штуки, набитые изнутри шестигранными стержнями сверхтвердой керамики, то весьма удивился, узнав, что выпускают их на фарфоровом заводе, где имеется почти все необходимое для этого оборудования.

Тем временем учебно-зачетные стрельбы из новых пушек прошли вполне нормально, но не успели мы вздохнуть с облегчением, как на горизонте снова появилась команда «серых» – на этот раз с новыми прицелами, командирскими перископами, радиостанциями и внутренними связными устройствами каких-то совершенно новых типов. Прицелы прозрачны как слеза младенца, рации и переговорные устройства совершенно не фонят, а перископы вместе со специально устанавливаемыми башенками-надстройками над командирским люком существенно улучшают обзор... Но тем не менее все эти улучшения только замедляют нашу отправку на фронт. А бойцы и командиры, получившие в руки новое совершенное оружие, так и рвутся в бой – рассчитаться с немцами и за вероломство двадцать второго июня, и за то, что случилось позже. Надеюсь, что после окончания последних наладочных работ наша бригада наконец отправится на фронт, где и покроет себя неувядаемой славой.

5 августа 1941 года, утро. Белорусская ССР, Бобруйская область, Кировский район, деревня Кирова, штаб 13-й армии (2-е формирование).

Командарм генерал-лейтенант Константин Константинович Рокоссовский.

Передислокация армии даже на относительно небольшое расстояние, особенно в военное время – задача сама по себе нетривиальная. Переместиться следовало скрытно, так, чтобы противник продолжал считать, что мы все еще находимся в Бобруйском выступе и готовим ему удар во фланг. Особо усложняло задачу то, что между Бобруйским выступом и районом развертывания армии не было прямого железнодорожного пути. А все из-за того, что линию Рогачев-Быхов-Могилев по правому берегу Днепра враг перерезал в нескольких местах. К тому же задача, поставленная товарищем Сталиным, звучала, если можно так выразиться, слишком неконкретно. Отрезать вражеские подвижные соединения от пехоты, разгромить их и перейти в общее контрнаступление, конечно, возможно, но для этого требовалось знать следующее: на каких рубежах и какими силами нам придется производить это отрезание, а также кто будет строить для моей армии рубеж обороны, на котором споткнется немецкое наступление.

Так что, приказав своему начальнику штаба готовить армию к передислокации, я взял в подручные Алиль Фа, и мы засели за командирский планшет. Тактик темных эйджел сама по себе является мощным оружием, заменяющим несколько тяжелых артбригад РКК. Ведь прежде чем приступить к выполнению задания, необходимо хотя бы уяснить общую обстановку в районе предстоящей операции и сопоставить с ней возможности нашей армии. В первую очередь мы пришли к выводу, что оборонительные позиции, которые отсекут немецкие танки от их пехоты, строить надо открыто и в нарочито большой спешке, чтобы немцы, застигнув их не занятыми нашими войсками, не заподозрили ловушки.

Потом, посчитав свои возможности, мы поняли, что идея размазать армию в полосе двухсот километров поперек направлений всех четырех вражеских ударов – не слишком удачна. У нас хоть бойцы поголовно все с боевым опытом, можно сказать, чудо-богатыри, но все равно четырех стрелковых дивизий (по одной на каждый прорывающийся через нашу обо-

рону моторизованный корпус немцев) недостаточно для решения поставленной задачи. Слишком широка будет полоса, по которой предполагается растянуть соединения армии, слишком велико будет расстояние между узлами обороны, чтобы расположенные в них стрелковые дивизии фланговыми ударами смогли оказывать друг другу поддержку.

Алиль Фа сказала, что не особо поможет нам и то, что, помимо стрелковых дивизий, в составе армии теперь числятся три отдельных штурмовых батальона и первая отдельная егерская бригада РК подполковника Вуйкозара Пекоца. Да, специально для этой части в Сибири на призывных пунктах отбирают особо метких стрелков-лесовиков и направляют к нам. Кого в запасной батальон бригады на доучивание, а кого и прямо в основной состав. Но все равно и егеря, и штурмовая пехота не способны самостоятельно решить поставленную задачу, они только усиливают стрелковые части и придают им стойкости под вражеским ударом. А если стрелковых соединений критически недостаточно для решения главной задачи, то и егеря со штурмовой пехотой им не помогут, а только оттянут тот момент, когда надо будет свернуть операцию и пытаться прорываться из окружения. Но тут не Минск, и задача ставится – отрезать и разгромить, а не нанести как можно большие потери и отступить в полном порядке.

Вывод один: ширину вражеского прорыва требуется сузить в несколько раз – например, до полосы между Оршей и Витебском, где немецким армиям не потребуется форсировать Днепр или Западную Двину. Кроме того, через этот район по направлению к Смоленску проходят сразу два шоссе, которые могут стать осями для ударов вражеских моторизованных соединений. С юга эта территория ограничена рекой Днепр, являющейся естественным рубежом обороны, а с севера – непролазными русскими лесами, куда немецких генералов точно не потянет, поскольку там нет дорог, необходимых для снабжения войск, а кроме того, отсутствуют какие-либо стратегические и тактические цели.

Еще в ста тридцати километрах севернее тех лесов проходит стратегическая трасса Рига – Себеж – Великие Луки – Ржев – Москва. Но прорываться к ней немцы могут только по направлению через Дриссу – Невель; в других местах для этого нет дорог. Однако, по данным, передаваемым мне имперским командирским планшетом, в районе Дриссы у немецкого командования для такой операции просто отсутствуют резервы. Их восемнадцатая и шестнадцатая армии оказались самым беспощадным способом раскулачены в пользу главного московского направления и после выпадения из игры четвертой танковой группы вынужденно вытянулись в нитку своими дивизиями на пятьсот километров, от Риги до Витебска. Теперь они способны только удерживать фронт по Западной Двине против четырех наших армий, и не более того.

Основные ударные группировки сосредоточены против Западного фронта в составе 9-й армии, танковой группы генерала Гота и 2-й армии, причем на планшете видно, что последняя передает свой участок фронта под Бобруйском 4-й армии и постепенно смещается в сторону Быхова, формируя собой ударную группировку, которая нанесет удар южнее Могилева. Туда же, к Быхову, перебрасывается и сорок восьмой моторизованный корпус. Генерал Гот сосредотачивает свои моторизованные корпуса (пятьдесят седьмой и двадцать четвертый), а также приданные им пятый и шестой армейские корпуса примерно посередине между Могилевом и Оршей. Севернее Орши действует девятая армия, в составе которой из подвижных соединений только один, сорок первый, мотокорпус.

Если проанализировать данные планшета, то становится очевидно, что партию первой скрипки в этом концерте будет играть генерал Гот. Именно у него основная подвижная сила, которая должна рассеять нашу оборону на всю глубину стратегического развертывания. Алиль Фа говорит, что если заглянуть в Синюю Книгу, то можно выяснить, что один мотокорпус охватит Смоленск с юга, а другой выйдет к Ельне или Рославлю. При этом двадцать четвертый мотокорпус, прорвав фронт у Витебска, охватит Смоленск с севера, а сорок восьмой, форсировав Днепр у Быхова, почти сразу повернет на юг, в тыл двадцать первой армии, заодно под-

резая и Бобруйский выступ, и правый фланг Юго-Западного фронта. Войны немцы ни при каком варианте не выигрывают, а вот крови лишней может пролиться немало...

Конечно, наилучшим исходом этой операции было бы полное отражение вражеского наступления с дальнейшими контрударами, но дело в том, что, помимо немецких, планшет показывал и положение наших войск. По расчетам Алиль Фа выходило, что при некотором усилении артиллерией и маршевыми пополнениями наша десятая армия⁵ вполне способна сдерживать натиск второй германской армии. Ею командует генерал Горбатов – командир жесткий, волевой и решительный. Моя темноэйджеловская помощница говорит, что он был одним из кандидатов на проведение Минской операции, только меня удалось локализовать раньше, и еще в мою пользу сыграло то, что я уже успешно участвовал в боевых действиях на этой войне.

Впрочем, общее у нас с Горбатовым не только это. Мы оба родились еще в прошлом веке, участвовали в первой германской войне, за подвиги награждены георгиевскими крестами и произведены в унтер-офицеры. Оба добровольно вступили в Красную Армию и прошли Гражданскую войну, оба во время ежовщины стали жертвой интриг и оговоров со стороны настоящих врагов народа, оба не признали свою вину, несмотря ни на какие пытки, и оба были освобождены как невиновные. Но все это в прошлом, а сейчас нас обоих, не без участия Ватилы Бе, поставили на посты командармов. Только ядро моей армии прошло закалку Минским сражением, а сформированная заново месяц назад десятая армия в деле еще не была. Артиллерийские дуэли через реку не в счет. Но я точно знаю, что генерал Горбатов сможет оправдать оказанное доверие и остановить врага на своем участке.

Командующий двадцатой армией генерал Лукин, возможно, не хуже Горбатова: в самом начале войны он успел погеройствовать на Украине, где собранные им с бору по сосенке сводные части под Шепетовкой сумели задержать, а потом и остановить врага. Но все равно на его двадцатую армию обрушится просто огромная мощь. По правому флангу, прорываясь по Минскому шоссе, ударит сорок первый мотокорпус, по левому – форсировав Днепр, нанесут удары пятьдесят седьмой и двадцать четвертый мотокорпуса. И пятый армейский корпус, который ударит по Орше в лоб, покажется на этом фоне только легкой неприятностью. Я сомневаюсь, что запланированные Ватилой Бе противотанковые бригады будут сформированы в полном объеме и успеют проявить себя. Лишь бы не было напрасной гибели в окружении личного состава и утраты ценной магчасти. И вот, после успеха врага уже десятая армия, сдержавшая врага с фронта, окажется под угрозой глубокого вражеского охвата...

Переворачиваю карту и смотрю на нее с другой стороны. Теперь я – генерал-фельдмаршал Гюнтер фон Клюге по прозвищу Умный Ганс, я презираю большевистских косоруких генералов, но при этом признаю свое полное интеллектуальное ничтожество перед неведомым игроком, который двигает русские соединения как фигурки на шахматной доске. Он – гроссмейстер международного уровня, а я на его фоне не более чем чемпион двора. Наступление под Быховом отражено, немецкие части даже не смогли форсировать Днепр. Южнее Витебска русские медленно отходят с рубежа на рубеж, цепляясь за каждый метр земли. Зато в окрестностях Орши фронт прорван сразу тремя корпусами из четырех, и мои танки устремились в прорыв. Два мотокорпуса, – сорок первый и пятьдесят седьмой, – идут на Смоленск; один севернее, другой южнее Днепра (который от Смоленска до Орши течет с востока на запад), а двадцать четвертый мотокорпус наносит удар на Мстиславль, заходя в тыл и фланг еще не прорванной части Западного фронта. И неважно, сколько у большевиков войск на реке Днепр – мои танки у них уже в глубоких тылах. Да и Смоленск, занятый шестнадцатой армией, к тому моменту окажется взятым в кольцо, ведь плотность в пятьдесят-шестьдесят танков на километр полосы прорыва никакая оборона большевиков выдержать не в состоянии...

---

⁵ Десятая армия РККА была заново сформирована из стрелковых корпусов второго стратегического эшелона вместо первого формирования, разгромленного в Белостокском выступе.

Снова переворачиваю карту и смотрю на нее опять со своей стороны. Да, такого счастья нам не надо... И тут Алиль Фа, вся такая тихая и задумчивая, говорит, что если задача не решается в первом приближении, то надо звать Ватилу Бе – главный тактик должна найти ответ там, где спасовала тактик-лейтенант. Ну и командующий Западным фронтом генерал армии Жуков в этом деле для меня человек не посторонний. Его тоже надо позвать посоветоваться о том, как мы будем отражать вражеское наступление. Ибо принимать у него полномочия комфронта я хочу даже меньше, чем он хочет их мне отдавать, – а значит, над планом того, как остановить и отразить врага, мы должны работать вместе.

5 августа 1941 года, после полудня, Смоленск, штаб Западного фронта.

Присутствуют:]

Командующий Западным фронтом – генерал армии Георгий Константинович Жуков;

Начальник штаба фронта – генерал-лейтенант Василий Данилович Соколовский;

Помощник командующего по АБТВ – генерал-майор Дмитрий Карпович Мостовенко;

Помощник командующего по артиллерии – генерал-майор Георгий Ермолаевич Десярев;

Член Военного Совета – Первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко;

Старший тактик-консультант Генштаба – генерал-лейтенант Ватила Бе;

Командующий 13-й армией – генерал-лейтенант Константин Константинович Рокоссовский;

Командующий 10-й армией – генерал-майор Александр Васильевич Горбатов;

Командующий 20-й армией – генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин;

Командующий 19-й армией – генерал-майор Дмитрий Данилович Лелюшенко.

После того как генералы расселись по своим местам (при этом Ватила Бе за длинным столом оказалась прямо напротив Жукова), набывшийся по обыкновению командующий Западным фронтом сказал:

– Итак, товарищи, мы дождались! Разведка наших союзников сверху получила неопровержимые доказательства того, что вражеские генералы не уgomонились и готовят еще одно наступление на Москву...

– Поправка, Георгий Константинович, – сказала Ватила Бе, – генералы дейчей в своей массе еще по итогам Минского сражения поняли, что войну они проиграли. Единственный их шанс победить вашу страну Эс-Эс-Эс-Эр заключался в опережении вас в развертывании. Их полностью боеготовая и отмобилизованная армия рассчитывала, ломая графики вашей мобилизации, за шесть недель парадным маршем дойти до Москвы, а к концу восьмой недели выйти на линию Архангельск-Астрахань, откуда их вождь Гитлер собирался продиктовать условия капитуляции вашему правительству, если бы оно к тому моменту еще продолжало существовать. Но когда два десятка дней назад закончилось Минское сражение, вражеские командующие обнаружили, что стоят по колено в крови своих солдат, что их боевые машины уничтожены или тяжело повреждены, что у вас появился союзник, способный сломать любые, даже тщательно рассчитанные планы. И самое главное – до них дошло, что время упущено, окно возможностей закрылось, и дальше будет только хуже, ибо время работает на нас с вами и против них. Попав в такое положение, порядочные существа признают свое поражение и бросают карты, но все это только для того, чтобы вступить в ту же игру в следующем круге, но уже с новым набором партнеров и противников. И этот процесс вечен, пока существует Вселенная. Дейчи – хорошие солдаты, они стойки, верны своему долгу, и никто не может упрекнуть их в трусости. Единственный их недостаток в том, что им все равно за что сражаться, а их тактики тяготеют к шаблонам. Но это не повод отказывать им в службе и праве на существование... Мы, темные эйджел, почти такие же, и, существуя вне рамок Империи, оказывающей на нас благотворное влияние, также способны стяжать славу величайших злодеев мира.

– Товарищ Ватила, – спросил сбитый с толку Жуков, – я что-то не понимаю, к чему вы произнесли перед нами такую речь, как будто вы адвокат, а мы судьи, которые собрались вынести Германии и немецкому народу смертный приговор?

– Я это сказала потому, – ответила Ватила Бе, – что каждый солдат должен знать свой маневр. А вы не простые солдаты, а тактики и командующие, и должны знать не только маневр, но и его смысл. А смысл таков, что командующие дейчей уже поняли, что их колесница несется под откос, и ищут способ, как бы с нее соскочить, не свернув шею. Это не догадки – о настроениях вражеского командного состава мы знаем достоверно и, более того, подогреваем их с помощью правильно подобранной пропаганды. Сегодня в этой войне люди в серых мундирах – наши враги, а завтра, в других войнах, они могут встать в один с вами строй. В то же время нынешний предводитель дейчей Гитлер понимает, что с ним и его ближайшим окружением мы готовы общаться только при помощи раскаленного железа, ибо тем, кто придумал теорию о недочеловеках и проводил ее в жизнь, не будет ни прощения, ни даже обычной пощады. Именно этот ошалевший от страха, ярости и досады человек гонит на смерть полмиллиона своих солдат. Некоторые симптомы в его поведении указывают на то, что, потерпев поражение в этой главной войне своей жизни, он намерен увлечь за собой в небытие весь народ дейчей. Также известно, что командующие его армией понимают ситуацию во всем ее многообразии, и она им активно не нравится. Но они служат этому человеку, а потому вынуждены выполнять его приказы, даже понимая их полную бессмысленность...

Член Военного Совета Западного Фронта и Первый Секретарь ЦК Компартии Белоруссии скептически хмыкнул.

– Товарищ Ватила, – с сомнением произнес он, – вы хотите сказать, что немцы идут в это наступление только для того, чтобы сдать в плен?

– Не совсем так, товарищ Пономаренко, – ответила та, – это наша задача – так спланировать противодействие вражескому наступлению, чтобы количество убитых врагов оказалось минимальным, а количество пленных максимальным. Это в приграничных сражениях мы ставили себе целью убить наибольшее количество солдат дейчей, ведь тогда они еще не осознали всей глубины своего падения, а нашим войскам, действующим в отрыве от основных сил, попросту некуда было девать пленных. Но теперь все совсем не так. Начиная эту войну, дейчи рассчитывали, что ваше государство, страна Эс-Эс-Эс-Эр, рухнет от первых же военных неудач. Но теперь у нас есть возможность организовать стране Германия такую военную неудачу, что уже у нее затрещит по швам государственная машина, и для этого даже не потребуется брать штурмом Берлин...

– Хорошо, товарищ Ватила, – кивнул Жуков, – политическую составляющую этой операции мы поняли, но мне все равно как-то сомнительно, что немцы начнут сдаваться нам в плен. Меня сейчас интересует другое. Как нам исполнить поставленную перед нами задачу остановить и отразить врага, а если и допустить прорывы через свои боевые порядки его подвижные частей, то только для того, чтобы окружить их в глубине своей обороны, а потом разгромить и уничтожить? И вот тогда, быть может, вражеские солдаты, оказавшись в безвыходной ситуации, начнут сдаваться в плен. Думаю, что по-другому никак...

– Для начала, – сказала Ватила Бе, – нам необходимо сузить ширину вражеского прорыва, в этом товарищ Рокоссовский совершенно прав. Потом следует максимально замедлить процесс прорыва фронта противником. В идеале следует сделать так, чтобы через водную преграду Днепр не сумел перебраться ни один живой дейч. Тогда вражеское наступление и в самом деле ограничится только полосой Минского шоссе, откуда врагу будет не свернуть. Но это чревато одной неприятностью. Если прорвется только сорок первый мотокорпус врага, то остальные мотокорпуса, простаивающие из-за того, что пехота дейчей так и не смогла переправиться через Днепр, будут вводиться в бой последовательно, один за другим, – и тогда у нас не получится ситуации, когда мы могли бы разом отрезать все вражеские подвижные соединения.

– Ничего страшного, товарищ Ватила, – ответил Жуков, – на начало вражеского наступления какое-то количество боеготовых противотанковых артбригад у нас уже будет. И размещать их следует не под Оршей или Могилевом, а у Смоленска, у перекрестка Минского и Витебского шоссе, на рубежах обороны шестнадцатой армии. И снабжение к этим сражающимся вражеским частям будет поступать по узкой ниточке Минского шоссе, находящегося под непрерывными ударами нашей авиации и дальнобойной артиллерии. С тем уровнем разведки, который обеспечивает ваша спутниковая сеть, потери врага будут страшными. Именно под Смоленском разгорятся наиболее тяжелые бои, и будет даже лучше, если противнику придется последовательно вводить в этот мешок свои мехкорпуса вперемешку с пехотными пополнениями. Вместо удара плотным кулаком немцы будут бить в нашу оборону растопыренными пальцами. Исходя из вашей же логики, чем больше врагов набьется в тесное и узкое пространство, тем лучше. Помимо шестнадцатой армии, мы сможем перебросить в тот район для участия в генеральном сражении двадцать четвертую и тридцатую армии. Надо только сделать так, чтобы враг ни на шаг не мог сойти с шоссе, тут же по самые уши увязая в грязи. Но, к сожалению, это лето выдалось сухим и бедным на дожди, из-за чего проходимость вражеских танков по нашей территории существенно увеличилась, а это скверно.

– Ну, это полная ерунда! – отмахнулась Ватила Бе, – еще на совещании с товарищем Сталиным я говорила, что наши серые готовят к работе самодельный генератор гроз. Недавно они испытали эту машину на одном из самых засушливых ваших регионов недалеко от города Ташкент – и там в самое жаркое время года вдруг пошли проливные дожди. Хотя генератором гроз я бы эту машину не назвала... А вот циклон диаметром километров в пятьсот она вызвать может. Неделя работы этой установки – и все на участке вражеского наступления влипнет в грязь, противную как жидкий клей. Это же решит и усиление неприступности водной преграды. Вражеским солдатам, под огнем артиллерии и пулеметов преодолевшим на плотках и резиновых лодках реку Днепр, придется пройти под перекрестным огнем еще метров двести по вязкой грязи, а если они в нее залягут, то так там и останутся. Главное, чтобы в первой линии было побольше пулеметов – и крупнокалиберных, и станковых, и обычных, – а артиллерия могла беспрепятственно подавлять вражеские батареи... Сумеете ли вы на ключевых участках сосредоточить такую артиллерийскую мощь, чтобы сразу парировать вражеские попытки вклинения?

В ответ Жуков с усмешкой сказал:

– Все двести километров полосы вражеского наступления нерушимой стеной не перегодим, но на ключевых участках нужную концентрацию артиллерии создадим. Место дислокации тринадцатой армии в таком случае мы определим во втором эшелоне – за двадцатой армией в местечке Дубровны по обоим берегам Днепра. В решающий момент, когда враг в котле будет атаковать уже на последнем издыхании, войска генерала Рокоссовского выйдут из своей «засады» и ударом на север перережут вражеский аппендикс в самом узком месте, где от берега Днепра до непролазных лесных болот каких-то семь-восемь километров. И вот тогда будет вам какое-то количество пленных. Я не обещаю, что выживет большая часть немецких солдат, которые примут участие в этом наступлении, но могу гарантировать, что большая часть выживших попадет в плен... Чему ты улыбаешься, Михаил Федорович – ведь основной и наиболее тяжелый удар обрушится именно на твою армию? И учти – за исключением участка Минского шоссе, во всех остальных местах вражеские поползновения должны быть отражены.

– Сделаем, Георгий Константинович, – ответил командующий двадцатой армией, – особенно если товарищ Ватила, как и обещала, немного поможет с погодой и корректировкой артиллерийского огня. Труса никто праздновать не будет – ни у меня, ни у Александра Васильевича, ни у Дмитрия Даниловича. Впрочем, кашу маслом не испортишь. Чем больше у нас под рукой будет артиллерии и снарядов в тот момент, когда немец перейдет в наступление,

тем лучше. И если уж нам с Константином Константиновичем суждено стоять, как двум богатырям, спина к спине, то будьте уверены, что мы выполним любую поставленную задачу.

– Артиллерию, – серьезно сказал Жуков, – мы вам дадим, разумеется, насколько это возможно, и поможем с дополнительными пулеметами. Ни у кого больше не будет такого количества орудий и минометов, а вам мы их дадим, лишь бы немецкий солдат южнее Орши так и не сумел ступить на восточный берег Днепра.

10 августа 1941 года, утро мск. Околоземная орбита, высота 400 км, разведывательно-ударный крейсер «Полярный Лис».

Сигнал боевой тревоги потряс космический крейсер так, будто снова наступили старые добрые времена. Угроза была не на земле, где ни одно государство в принципе не могло угрожать огромному космическому крейсеру, служба главного сигнальщика обнаружила опасность в дальнем космосе. Сначала навигационный комплекс засек гравитационный всплеск за орбитой Плутона – там, где чужой корабль вышел из подпространства, – а потом операторы систем связи сумели перехватить позывные одного из небольших воинствующих кланов темных эйджел. Тип корабля определить еще не удалось, но, по старому доимперскому справочнику, хранившемуся в памяти Ипатия, клан Синих Огней, опознанный по позывным, должен был владеть дальним рейдером среднего класса «Корсар».

Этот корабль был гораздо серьезней, чем дальний рейдер легкого класса «Мародер», имевшийся у клана Багряных Листьев, с которого тогда еще некоронованный император Шевцов начал приобщение темных эйджел к имперской цивилизации. И клан, владеющий «Корсаром», наверняка более богат и многочислен, и вооружение корабля позволяет не только красть, но и грабить. И в то же время этот «Корсар» не шел ни в какое сравнение с «Полярным Лисом» – ни по скорости, ни по маневренности, ни по мощности защитных генераторов, ни по суммарной энергии залпа главного калибра. Кроме того, в перечень бортового оборудования «Полярного лиса» входил генератор маскирующего поля первого класса, а на его борту имелись истребители и ударные бомбардировщики; «Корсар» же мог лишь частично замаскировать свое присутствие и не имел дополнительных летательных аппаратов, за исключением невооруженных грузовых шаттлов.

Но главный вопрос, возникший у каперанга Малинина, был такой: какого хрена этот «Корсар» делает тут, в закрытом для эйджел рукаве Галактики? Если в кланах эйджел слишком рано узнают о зарождающейся на Старой Земле новой Империи, то ничего хорошего человечество от этого ждать не может. По этому поводу немедленно был созван Военный Совет, включающий всех командиров наземных подразделений и корабельных боевых частей. С поверхности планеты на борт крейсера в экстренном порядке доставили майора Ивану Эри, подполковника Илер Ота, подполковника Вуйкозара Пекоца, а также старшего социоинженера Малинче Евксину. Кроме них и командира, в командном центре присутствовали: первый офицер Жерар Антон, командир навигационной БЧ-1 главный навигатор Ванесса Олина и ее заместитель Визал Ала, главный тактик Ватила Бе, главный сигнальщик Гор Видм, командир ракетно-артиллерийской БЧ-2 Максим Сергейцев и командир инженерной БЧ-5 серая эйджел Ауле Ра.

А главное, что там же, вместе с остальными, находился бригадный комиссар Евгений Щукин – то ли офицер связи с советским правительством, то ли комиссар крейсера. Пока Малинче Евксина изучала человечество Старой Земли, товарищ Щукин в меру своих возможностей и пролетарской сознательности изучал имперский коллектив. Сталина, кстати, тоже проинформировали о том, что на горизонте появился корабль «диких» темных эйджел, но при этом каперанг Малинин заверил вождя советского народа, что, хоть последствия от этого визита могут выйти интересными, ничего особо страшного не произойдет. «Полярному Лису»

такой доимперский «Корсар» – на один зуб. Более подробную информацию по итогам обсуждения готовился доложить как раз бригадный комиссар Щукин.

Так что особой спешки в этом вопросе не наблюдалось, поскольку, по доимперским графикам подлета к планете, чапать этому «Корсару» от орбиты Плутона предстояло не менее четырех месяцев, и прибудет он на орбиту Земли в самый раз к Перл-Харбору (если такое явление, конечно, случится и в этом варианте истории). Но каперанг Малинин не исключал и того варианта, что после завершения Военного Совета, когда присутствующие выскажут свои мнения и рекомендации, он отдаст приказ «Полярному Лису» сниматься с круговой орбиты и выступать навстречу врагу, чтобы разобраться с ним подальше от обитаемой планеты. Военный Совет – сам по себе, а вот решения на боевом корабле, даже по мельчайшим вопросам, принимает исключительно командир. Никакой демократии в армии и на флоте быть не может. Командир на дальнем рейдере, находящемся вне базы, обладает на борту всей полнотой власти, уступающей только абсолютной власти императора. На боевом корабле иначе нельзя.

Первое слово на Военном Совете дали подполковнику Илер Ота, поскольку в своем прошлом она как раз была членом такого вот темноэйджеловского воинствующего клана средней руки. Правда, корабль у них был чуть посерьезней, но все равно, как говорил Гомер, «война, торговля и пиратство есть суть занятие одно»... Потом клан юной Илер Ота в числе прочих потерпел поражение от Империи, матрона клана признала капитуляцию и получила прощение, – и с той поры для юной темной эйджел началась жизнь гражданки Империи. Поскольку представить себе темную эйджел, сидящую на поверхности планеты, будто земляной жук, было совершенно невозможно, Илер Ота пошла вербоваться в космический флот и с легкостью прошла профориентацию и сдала тесты на лояльность, которые показали, что принесенные клятвы для нее не пустой звук. Прошло более двухсот лет; молоденькая темная эйджел со специализацией «пилот» превратилась в жесткую матрону пилотского коллектива «Полярного Лиса», уважаемую не только своими соплеменницами, но и всей командой крейсера.

– Причина, по которой «Корсар» клана Синих Огней мог оказаться в окрестностях Старой Земли, – сказала подполковник Илер Ота, – может быть только одна. Он пришел за живым товаром, ибо не существует ничего иного, что заставило бы клан темных эйджел влезть в запретную зону на пределе дальности полета их корабля. Все прочие мыслимые товары можно найти гораздо ближе к звездному рукаву, заселенному эйджел, и их поставка не потребует таких затрат времени и прочих ресурсов. Вопрос лишь в том, собирались ли эйджел клана Синих Огней ловить хумансов-рабов сами, забираясь в разные дикие места, или у них заранее налажена связь с одним из местных крупных кланов, то есть государств? Процесс отлова рабов в дикой местности достаточно трудоемок и требует наличия на борту отряда профессиональных ловцов. Большая разница: просто принять живой груз в трюмы от поставщика, сразу после этого вылетев обратно, или застрять у планеты на несколько десятков ее оборотов, поштучно вылавливая диких хумансов в джунглях или горах. Массовый отлов в так называемых «цивилизованных областях» выглядит чем-то невыносимым. Солдаты основных местных армий достаточно компетентны для того, чтобы не допустить такого сценария и в течение нескольких часов уничтожить высадившиеся на поверхность планеты охотничьи группы...

– Товарищ Илер Ота, – спросил бригадный комиссар Щукин, – а разве эти ваши соплеменники-темные не используют для своих действий штурмовую пехоту, противостоять которой не в силах ни одна из местных армий?

– На самом деле, – ответила Илер Ота, – современная штурмовая пехота по всем параметрам превосходит хуман-горские гибриды доимперского периода. На самом деле тогда это были не более чем тяжелые боевые манипуляторы, находящиеся под полным контролем управляющего мозга. Своей воли у них не было, поэтому их использовали только в качестве антибордажных команд на больших кораблях и космических станциях. Охотничьи команды составлялись либо из чистокровных горхов, которые достаточно сообразительны, чтобы охотиться на

не оказывающих сопротивления пеонов, либо из хумансов-наемников. Пока к нам в Галактику не пришла Империя, наемные отряды хумансов были широко распространены в кланах. Светлые ими пользовались чаще, ибо предпочитали вообще не убивать своими руками, а темные реже. Но ни один наемник не будет драться с регулярной армией в бою на уничтожение: он либо отступит, либо сдастся в плен. Именно поэтому я заподозрила, что, скорее всего, матрона клана Синих Огней рассчитывала взять на Старой Земле готовый груз и сразу же пуститься в обратный путь.

Эти слова заставили задуматься всех присутствующих. Через некоторое время, повертев в руках световое перо, слово взяла Малинче Евксина.

– Подозрения понятны, – сказала она. – Предположительно на роль потенциальных контрагентов темных подходят либо страна Германия, либо страна Япония. И те и другие обладают критически большим, не поддающимся даже точному учету, количеством пленных, которых можно обратить в рабы и продать клану Синих Огней. Если у страны Германия с нашей помощью таких пленных значительно меньше, чем могло бы быть, то страна Япония жителей страны Китай даже не считает. Их просто очень много и используются они в силу менталитета правящей верхушки страны Япония крайне нерационально. Весь вопрос в том, чем эти темные собрались рассчитывать со своими поставщиками? Насколько я помню, Совет Кланов Эйджел категорически запрещает делиться с хумансами какими-либо технологиями, а также поставлять им технику, приборы или оружие космического класса, в то время как местные правители больше всего нуждаются именно в такой оплате. Неужели они согласились на такую банальность как мягкий желтый металл и разноцветные камни?

– На самом деле это неважно, – заявила Илер Ота, – я лишь хотела понять, что там у них на борту, имеются ли наемники, или там только члены клана, сибхи и горхи...

– Вот когда мы его перехватим, тогда и посмотрим, – хмыкнула майор Ивана Эри, – как любит выражаться уважаемый майор Ари Махат: «вскрытие покажет». Любые доимперские наемники, кем бы они на самом деле ни оказались, моим девочкам на один зуб. Да что там мои девочки. С доимперскими наемниками справятся и приставшие к нашим ротам хумансы из местных, которые тоже оказались отличными солдатами. Недостаток физической силы они компенсируют отвагой, умом и ловкостью. Они настоящие солдаты, которые умрут, но не отступят и, как уже сказала уважаемая полковник Илер Ота, наемники никогда не будут драться насмерть в безнадежном бою с регулярной армией. Это совершенно исключено.

– Ладно, – сказал каперанг Малинин, хлопнув ладонью по столу, и вызывал на разговор искина «Полярного Лиса», голограмма которого молча стояла в углу и ничего не говорила, пока ее не спросят. – Ипатий, можешь ли ты добавить что-нибудь по данному вопросу?

– В Синей Книге, – ответил тот, – есть упоминание, что в стране Америка, на одной из военно-воздушных баз, в замороженном виде хранились тела неких пришельцев из космоса. Так как трупы обычных хумансов никто хранить не стал бы, то предполагаю, что в руки местных военных сумевших сбить один шаттл попали горхи и, возможно, один экземпляр темной эйджел, которая была на том шаттле пилотом. Впрочем, никаких объективных данных, которые могли бы либо подтвердить, либо опровергнуть эту информацию, в моей памяти не имеется. Сведения о каких-то необъяснимо неожиданных научных открытиях и гениальных изобретениях отсутствуют. Все научные открытия, сделанные в тот период, целиком вписываются в логику технологического развития человечества и не могли быть инспирированы информацией извне.

– Понятно, Ипатий, – сказал каперанг Малинин, – все прочее уже не имеет сколь-нибудь серьезного значения. Товарищ Илер Ота, как вы считаете, матрона клана Синих Огней сообщила кому-нибудь за пределами своего клана о том, куда она направляется и что будет там делать?

– Едва ли, обожаемый командир, – ответила командир авиакрыла «Полярного Лиса», – вторжение в запретную зону – это не только нарушение установлений Совета Кланов, а еще и Величайший Грех, нарушение основополагающих запретов, наложенных на нас Древними. Многие кланы используют этот путь, чтобы поправить свое благосостояние, но все они делают это втайне, стыдясь сообщить, откуда у них взялись рабы-хумансы. Это своего рода заговор, когда все об этом знают, но при этом упорно молчат.

– Отлично, – сказал каперанг Малинин, – значит, судьба этого «Корсара» решена! Он ни в коем случае не должен вернуться обратно, в соседний галактический рукав, и доложить об увиденном здесь. Товарищ Ватила Бе, какой вид перехвата вы рекомендуете в данном случае: дальний или ближний?

– Конечно же, дальний, – ответила та, – и хоть эти Синие Огни будут не в состоянии убежать от «Полярного Лиса», я бы не хотела подпускать их корабль близко к планете. Также не стоит забывать, что у нас впереди – основание новой Империи, а также то, что корабль типа «Корсар» после усовершенствования с помощью имперских технологий может превратиться в серьезную боевую единицу.

– Кроме того, – сказала Ауле Ра, главный инженер крейсера и по совместительству серая эйджел. – «Корсар» – достаточно крупный корабль, чтобы на борту у него оказалась техническая команда серых. Не хотелось бы, чтобы они, невинные и непричастные ни к чему, погибли, если дело пойдет совсем скверно.

– А еще, – сказала Илер Ота, – если я правильно помню дела тех далеких дней, у клана Синих Огней был молодой дееспособный самец, так сказать, принц крови...

– Хватит, – с решительным видом сказал каперанг Малинин, – никто не собирается распылять на атомы или еще каким-нибудь способом уничтожать корабль клана Синих Огней. У нас достаточно возможности, чтобы незамеченными подойти на короткую дистанцию и, оглушив вражеский корабль парализаторами, взять его на абордаж...

– Я, – сказала Малинче Евксина, – через посредство бортового психосканера могу попытаться связаться с мозгом корабля.

– Скорее всего, – парировала первый навигатор Визал Ала, – кораблем класса «Корсар» управляет мозг темной эйджел, и поэтому с ним должна связываться я, а не ты...

– Брэк! – сказал каперанг Малинин. – На связь с управляющим мозгом «Корсара» вы будете выходить по очереди. Но должен напомнить: если клан Синих Огней вырастил этот Корабль из собственного эмбриона, то его мозг будет безоговорочно предан своей матроне и ее клану. И вот тогда, если вы позовете его и не сумеете уговорить его сдаться, то серьезного боя избежать уже не удастся. Поэтому, прежде чем окликать Корабль Синих Огней, вам нужно вскрыть взаимоотношения у него на борту и сделать соответствующие выводы. Только на основании точных данных я смогу сделать выбор между переговорами и внезапным стремительным абордажем. На этом все, в дальнейшем возражения не принимаются. Всем нам следует помнить, что на нынешний момент главная наша задача – сражение с армией дейчей за инициативу в последней для Старой Земли планетарной войне. И только потом мы начнем думать о том, как бы половчее ударить по приближающемуся врагу из космоса.

10 августа 1941 года, поздний вечер. Москва, Кунцево, Ближняя дача Сталина.

Известие о появлении в Солнечной системе космического корабля, принадлежащего вольному (дикому) клану темных эйджел, привело вождя советского народа в некоторое смущение. А ну как имперские товарищи, позабыв про войну с гитлеровской Германией, переключатся на свои космические проблемы? Но прибывший с «Полярного Лиса» с докладом бригадный комиссар Шукин успокоил вождя.

– Нет, товарищ Сталин, – покачал он головой, – наши союзники из космоса верны своим обязательствам, а приближающимся к Земле кораблем они займутся после того, как

закончится предстоящее нам решающее Смоленское сражение, когда вермахт, потерпевший очередное тяжелое поражение, будет лежать в нокдауне. Но я должен сказать еще вот что. Капитан первого ранга Малинин намеревается не уничтожить чужой корабль, а взять его на абордаж и принудить клан Синих Огней к капитуляции, после которой, по имперским правилам, обычно следует предложение возглавляющей клан матроне принести присягу на верность нашей стране. И принимать эту присягу, по их имперским понятиям, предстоит вам, как главе строящейся империи...

Вождь жестом прервал бригадного комиссара.

– Погодите, товарищ Шукин, – сказал он, – для начала расскажите подробнее, что такое клан в представлении диких темных эйджел, а также о том, почему за капитуляцией непременно должно последовать предложение побежденному клану перейти на нашу сторону. Не слишком ли это опасно – брать на службу вчерашних врагов?

– Клан, товарищ Сталин, – ответил бригадный комиссар, – это такая большая семья, и состоит он из дочерей, сестер и тетушек текущей матроны. Как правило, один клан – это один корабль, являющийся общей собственностью всех членов этого клана. Темные эйджел не признают за отдельными индивидами права владеть движимой и недвижимой собственностью, объектами имущественного права могут выступать только кланы. Внутри клана у них все общее, тем более что в своих кораблях с управляемым климатом темные эйджел не носят одежды и разгуливают в костюмах Евы. Как и у многих видов животных, потомство в клане у темных эйджел приносит только доминирующая самка, а остальные обеспечивают ее потомство заботой. Впрочем, поскольку живут эйджел очень долго, такие ситуации бывают нечасто. Иногда кланы делятся. Выглядит это очень похоже на роение пчел, только о гнезде-корабле в таком случае заботятся заранее. Сначала клан должен разбогатеть настолько, чтобы суметь купить новый корабль... Правда, иногда случается по-другому и в ход идет обыкновенный захват. Побежденных в таком случае просто уничтожают. У темных эйджел, у которых все основано на кровном родстве, просто не принято брать чужаков в семью, несмотря ни на какие клятвы. Для империи, напротив, кровь – это ничто, а убийства побежденных находятся под строгим безусловным запретом. В этом отношении они полностью противоположны как диким темным эйджел, так и Гитлеру с его сворой. Но за дикими темными эйджел есть еще одна особенность. Их матроны могут быть полными суками, не щадящими ни женщину, ни ребенка только потому, что те не являются им родней, но в то же время они фанатически верны принесенным клятвам и сентиментально относятся к собственной родне. Не было еще случая, чтобы свободный выбор между смертью для всех и верной службой на благо Империи какой-нибудь клан выбрал смерть. Также не было случая, чтобы хоть один клан изменил своей клятве. Да и не может там быть измены, поскольку, по древним обычаям тех же эйджел, победитель должен удочерить всех побежденных, и с того момента они становятся плоть от плоти и кровь от крови победоносной империи. А ведь темные эйджел – это не абы кто, а новые тактики и пилоты будущей Империи...

– Вы можете не уговаривать меня, товарищ Шукин, – буркнул Сталин, – я сам все прекрасно понимаю. Но одно дело – вступать в контакт с уже цивилизованными Империей существами, и совсем другое – с дикими темными эйджел, которые, как сказала мне товарищ Малинче Евксина, не более чем дикари, которых специально приспособили для жизни на просторах галактики, не сумев исправить ни одного их ключевого недостатка.

Бригадный комиссар тяжело вздохнул.

– Да, товарищ Сталин, – ответил он, – это действительно так. И что хуже всего – исходным материалом для создания эйджел, – что светлых, что темных, – послужили не дикари нашего времени, а представители вида-предшественника, отличавшегося от современного нам человека разумного только образом мышления. И этот образ мышления не подразумевает почти никакой творческой деятельности, конструирования и так далее. Преимущество эйджел

в том, что они намного лучше людей обыгрывают стандартные ситуации. Из столетия в столетие эйджел воспроизводят образцы, заданные им Древними, а длинная жизнь и связанный с ней здоровый консерватизм только усугубляет эту ситуацию. И в то же время, когда темные эйджел действуют в рамках Империи, заодно с другими расами, когда достоинства складываются, а недостатки исчезают, они непременно добиваются самых выдающихся результатов. По-научному это, кажется, называется «симбиоз».

– Отлично, товарищ Шукин, – сказал вождь, – а теперь поясните мне свои слова про усыновление, то есть удочерение, подчиненных – какое отношение оно должно иметь к присяге на верность Советскому Союзу...

– У большинства примитивных народов, – сказал бригадный комиссар, – лояльность к существующим порядкам проистекает только из чувства кровного родства. У них же названное родство, то есть усыновление, удочерение и так называемое побратимство по силе создаваемых связей ничуть не уступает кровному. Когда какой-то посторонний необходим для усиления племени, то его банально усыновляют. Я консультировался у наших историков, и они говорят, что в данном случае империя принудительно стала заниматься весьма прогрессивным делом, заменяя у эйджел родовую общину соседской... Диких (как они говорят, «доимперских») эйджел порядки на «Полярном Лисе» должны шокировать не меньше, чем нас с вами.

– Интересное наблюдение, товарищ Шукин, – сказал Сталин, мягко прохаживающийся по толстому ковру, – но этого совершенно недостаточно для того, чтобы создать универсальную теорию, объясняющую все многообразие взаимодействий в сложносочиненном и сложно-подчиненном обществе. И это совсем не значит, что мы собираемся игнорировать имперскую социоинженерию. Совсем нет. Просто мы не эйджел, которые могут слепо принять на веру и в течение десятков тысяч лет бездумно копировать готовый образец. Нет, – прежде чем называть это наукой, нам необходимо проверить все преподанные нам постулаты на истинность, и только после этого они смогут называться наукой. Надеюсь, это вам понятно?

– Да, – товарищ Сталин, – согласился бригадный комиссар Шукин, – понятно.

– Тогда вы можете идти, – отпустил вождь своего помощника, – возвращайтесь на «Полярный Лис» и продолжайте исполнять свои обязанности. Я думаю, что наблюдение за непосредственным контактом имперских и диких темных эйджел будет весьма полезным делом. Дело в том, что в учебниках по социоинженерии, которые мне были предоставлены, рассматриваются ситуации только внутри чисто человеческих сообществ, не имеющих включений темных и светлых эйджел, горхов и сибхов; а нам нужна полная картина, во всем ее многообразии.

17 августа 1941 года, утро. Группа армий «Центр», окрестности города Быхова, КП 2-й армии вермахта.

Командующий армией вермахта генерал-полковник Максимилиан фон Вейхс.

Сегодня исполнилось ровно восемь недель с тех пор, как полоумный ефрейтор приказал начать эту дурацкую войну с русскими. По плану «Барбаросса», к этому моменту мы уже должны были выйти на линию Архангельск-Астрахань, после чего, закончив боевые действия в большевистской России и приняв безоговорочную капитуляцию у остатков их правительства, приступить к переброске свои части в Центральную Азию, чтобы на следующий год через перевалы Афганистана вторгнуться в Индию. Но реальность оказалась иной. Я признаю, что ошибался, когда думал, что в срыве блицкрига виновны только пришельцы с небес. Черта с два. Они только обострили главную проблему этой войны – настолько, что она стала очевидна с первых же дней.

Главная ошибка ефрейтора в том, что он вообще начал эту войну. С чего он вообще взял, что русских большевиков легко победить? Наши первые успехи объяснялись исключительно внезапностью нападения и предательством части генеральской верхушки, но русские

солдаты и младшие офицеры, даже застигнутые врасплох, дрались яростно, с самозабвенным отчаянием, и окончательно разгромить мы их смогли только после того, как у сражающихся в изоляции большевистских частей закончились патроны и снаряды. Если отбросить пропагандистские заявления доктора Геббельса, то становится ясно, что большевистские генералы отдавали идиотские и прямо предательские распоряжения, раздергивали на части боееспособные соединения, вносили хаос и дезорганизацию, а русские солдаты все равно, уже не надеясь ни на что, продолжали сражаться с нами подобно древним берсеркерам. Так, наша 34-я пехотная дивизия, пытавшаяся с юга замкнуть малое кольцо окружения вокруг Белостокского котла, оказалась буквально стоптана этими безумцами, штыковыми атаками, прокладывая себе дорогу из окружения. Впервые с начала войны (имеется в виду с 1-го сентября 1939 года) соединение вермахта пришлось бросить тяжелое вооружение и отступить, чтобы не подвергнуться разгрому и уничтожению. И именно в таком состоянии пришельцы застигли отступающих русских. Очевидно, увиденное им понравилось. Не каждая армия способна воевать в таких безнадежных условиях.

Генерал-фельдмаршал фон Клюге сказал, что он сразу почувствовал на той стороне жесткую волю нового командования, которое совершенно по-новому стало перевязывать разорванные нами нити. Как удалось выяснить абверу (всего-то через полтора месяца после тех событий), командующему пришельцев удалось добиться, чтобы окруженная группировка подчинялась непосредственно Москве и решала стратегическую задачу сорвать продвижение вглубь России соединений второй танковой группы. И это ему удалось.

Если не считать побоища в Минске, сражение за мало кому известную станцию Ивацевичи стало одним из самых кровопролитных эпизодов этой войны. Выходящие из глубокого окружения русские войска, как вытекающий из пробитого бака бензин, подпитывали пламя этой битвы ровно до тех пор, пока вторая танковая группа не прекратила своего существования. Изрядно потрепанный ударами с воздуха двадцать четвертый моторкорпус тут не в счет. В плен попал даже сам выскочка Гудериан – как и предрекали многие, однажды он все-таки зарвался и переоценил свои возможности.

Более того, пришельцы даже смогли эвакуировать гарнизон осажденной крепости в Бресте. Бой за крепость был коротким, но крайне ожесточенным, в результате чего наша 45-я пехотная дивизия, осаждавшая крепость, понесла тяжелые потери. Погиб и командир дивизии генерал Шпипер, зато тяжелая пехота пришельцев, задействованная в этой операции, сумела эвакуировать из крепости всех русских до последнего, включая мелкие изолированные группы и тяжелораненых. Правда, сразу после этих событий началась кровавая бойня в Минске, по сравнению с которой акция пришельцев в Бресте уже казалась нам обыкновенной пощечиной.

Вот так на нашем горизонте появилась грядущая Империя. Сейчас, когда я знаю о ней гораздо больше, чем тогда, я понимаю, почему имперцы с такой яростью сражаются против нас на стороне большевиков. Их империя состоит из множества наций и даже рас, обитающих на различных планетах, и хоть они не равны друг другу, ни на ком из имперских граждан не стоит клеймо недочеловеков. Курт говорит, что каждая раса и нация в империи имеет свое законное место под солнцем, ибо у каждой из них есть свои недостатки и достоинства. Одни чудовищно сильны физически, другие очень умны, третьи усидчивы и трудолюбивы, что незаменимо при сборке сложнейших приборов, третьи воинственны, четвертые являются прирожденными пилотами, а пятые... в общем, это уже неважно. В биологии такое сосуществование называется симбиозом. Некоторые расы вообще не смогут существовать вне пределов Империи, другие, оказавшись без ее поддержки, будут влачить жалкое существование. И, главное, имперская пропаганда внушила всем им (даже тем, кто имеет весьма отдаленное отношение к человеческому роду), что все они – русские, если не по крови, то по духу. Настоящих русских там абсолютное меньшинство (так же, как в живом организме доля нервной ткани составляет всего несколько процентов), но именно они делают Империю тем, что она есть.

В большевистской России все почти также, только русские представляют среди ее населения абсолютное большинство. Но стоит их куда-нибудь убрать – и огромная страна рассыплется на сотни враждующих племен... Только это все бесплодные мечты, ведь даже без вмешательства пришельцев рано или поздно русские сами отстранили бы от командования своих дураков и предателей и остановили нашу армию (если не на Днестре, то на Дону и на Волге), имея еще достаточно ресурсов для продолжения борьбы. Этот вывод можно сделать по тому, что даже там, где никогда не было никаких пришельцев (в Прибалтике, на Украине и в Бессарабии) сопротивление русских армий при первых же неудачах вермахта возросло настолько, что наше наступление насмерть увязло в укрепрайонах линии Сталина. Воспользовавшись передышкой, выигранной для них пришельцами, русские насмерть вцепились в эти укрепления, построенные по стандартам прошлой войны, так что сдвинуть их оттуда теперь не представлялось возможным.

В результате восьми недель почти непрерывных боев вермахт понес такие потери, что теперь способен был наступать только в полосе двести километров, и то без всякой гарантии на успех. С передовых наблюдательных пунктов было видно, что на том берегу Днестра русские непрерывно продолжают строить свои укрепления, рыть странные зигзагообразные линии траншей, натягивать колючую проволоку, заменять открытые пулеметные гнезда деревоземляными огневыми точками. А у нас только два дня назад кое-как начала функционировать железная дорога. Если прежде грузы везли на машинах двести пятьдесят-триста километров, то теперь расстояние от станции разгрузки до дивизионных тылов сократилось в десять раз. Но это не большое утешение, поскольку железная дорога тоже находится под постоянными ударами большевистской авиации и диверсантов. Если груз находится в пути, нет никакой гарантии, что он не окажется под откосом после подрыва полотна и не сгорит на станционных путях во время налета «белых демонов». Хуже всего, говорят, дело обстоит с диверсантами. В наших тылах действуют не только специально подготовленные отряды большевистских фанатиков из НКВД, но и остатки окруженных и разгромленных частей, до которых вражеское командование всеми силами доводит директиву о развязывании в наших тылах полноценной партизанской войны. И это в условиях, когда на счету каждая тонна горючего, каждый ящик с патронами и каждый снаряд к пушке.

Особенно скверно дела со снабжением обстоят в приданном нашей армии сорок восьмом мотокорпусе – он имеет сейчас всего одну заправку топлива вместо десяти (в крайнем случае, пяти), положенных на момент начала наступления. Даже если удастся форсировать Днестр и прорвать линию фронта, (в чем я сомневаюсь) то «ролики» генерала Кемпфа встанут примерно через восемьдесят километров пути по ужасным русским дорогам, после чего их голыми руками сможет взять любое русское пехотное соединение. Панцеры без бензина – это не панцеры, а железные коробки с пушками и пулеметами; сопровождающая же их мотопехота после того как встанут все мотоциклы, грузовики и бронетранспортеры, мигом потеряет все свои преимущества. Будем надеяться, что за две недели до начала наступления, назначенного на второе сентября, все успеет наладиться... Но все-таки я бы не особо на это надеялся. Ведь, как докладывает разведка, к врагу тоже подходит подкрепление, подвозятся боеприпасы и все необходимое для того, чтобы рубеж Днестра стал для нас непреодолимой преградой. А самое главное – на той стороне у русских очень инициативный и деятельный командующий армией (совсем не чета тем остолопам, которых мы встретили у самой границы). Видно, что под его руководством русские войска с энтузиазмом готовятся встретить наше наступление. Форсирование Днестра будет трудновыполнимой задачей, даже если нам во фланг не ударит Минский Мясник, со своей ударной группировкой расположившийся в Бобруйском выступе за правым флангом нашей армии. По крайней мере, у нашей разведки нет сведений о том, что он сменил или собирается сменить место дислокации. Уж больно удобная там позиция для того, чтобы попытаться подрезать наш наступающий клин.

При этом и меня, и фельдмаршала Ключе, как и многих других, терзают смутные сомнения по поводу того, надо ли нам вообще лить кровь германских солдат в этой безнадежной войне... На фоне угрозы уничтожения Германии и самих немцев второе место в единой и единственной империи человечества кажется нам вполне достойным того, чтобы за него побойтаться. Мы уже знаем (а если о чем не знаем, то догадываемся), что ефрейтор решил отдать Германию имперцам и русским только в виде развалин, заваленных трупами наших женщин и детей, потому что мы, мужчины, должны погибнуть еще раньше. Но нам такое развитие событий не нравится. Нам необходимо только вступить в переговоры и получить от противоположной стороны надлежащие гарантии (как для себя лично, так и для всего германского народа) того, что в Германии после капитуляции будут установлены именно имперские, а не большевистские порядки. Мы хотим сохранить свободу для частного предпринимательства и быть уверенными, что люди, не замешанные ни в какие преступления, смогут сохранить собственность и положение в обществе. Фельдмаршал фон Ключе говорит, что как только он получит ответы на все интересующие его вопросы, эта война закончится так же неожиданно, как и началась, а несчастный ефрейтор «нечаянно» уйдет в небытие. Он не оправдал доверия нации и потому должен умереть – во имя того, чтобы жили все остальные немцы... Аминь.

19 августа 1941 года, полдень мск. Околосредняя орбита, высота 400 км, разведывательно-ударный крейсер «Полярный Лис».

генерал-полковник вермахта Гейнц Гудериан (военнопленный).

Стихотворения Лермонтова о сидящем в темнице горном орле Гейнц Гудериан не знал, но ощущал нечто подобное описанному русским поэтом. Подбили на самом взлете, оторвали от любимого дела, засунули в камеру без окон, кормят три раза в день отборными русскими народными блюдами... и даже не допрашивают. Не до тебя, мол, сейчас.

Быстроходный Гейнц мерил свою маленькую камеру шагами и думал, что это все чудовищно, невыносимо и оскорбительно. Его, величайшего гения танковой войны, поймали, можно сказать, на поле боя, спеленали по рукам и ногам, а потом засунули в кутузку, будто кадета-первогодка, проштрафившегося пьяным дебошем и оскорблением старшего по званию.

Тут, в логове пришельцев, он ничего толком и не видел, – только своих конвоириш (вот это женщины!) и коридоры, по которым его провели от шлюза до двери камеры в корабельной тюрьме. Впрочем, такой же интерьер можно было бы организовать и где-нибудь на Земле (так думал Гудериан, и эта мысль его почему-то немного успокаивала) – для этого достаточно было бы обзавестись подземным ангаром, стены коридоров оборудовать искусственной вентиляцией, обшить матово блестящим металлом, а в качестве светильников использовать лампы неизвестного типа... Одних только этих удивительных ламп, источающих чистый и холодный белый свет, вполне хватало для того, чтобы показать, что он в плену именно у пришельцев, а не оказался передан разведке большевиков.

Перемены в судьбе немецкого генерала наметились после завершения Приграничного сражения, когда все четыре арьергардные советские группировки, рыча и огрызаясь на наступающие передовые германские части, уже отошли на восток, к основному рубежу обороны. Советское командование с помощью новых союзников сумело выиграть время для развертывания Западного фронта второго формирования, а главная ударная группировка дейчей понесла тяжелые (на самом деле невозможные) потери, после чего у Ватилы Бе появилось время заняться новой игрушкой. Тем более что к тому моменту и сам Гудериан, качественно промаршированный в полном одиночестве, достаточно размяк и уже был готов к предстоящему разговору со своими пленителями.

Да уж – больше месяца Быстроходный Гейнц не видел ни одного человеческого лица и не слышал ничего, кроме звуков собственного голоса. Сейчас, чтобы не сойти с ума, он заговорил бы и с фонарным столбом, а не то что с офицером противника. Разумеется, он клялся сам себе,

что не выдаст на этом допросе никаких тайн, но тут же приходил к пониманию, что если бы его похитителям были интересны какие-нибудь военные или государственные тайны, то его уже давно бы допросили без всяких сантиментов и выжали из него все сведения буквально досуха. Но так как допросов не было, то выходило, что пришельцам, сражающимся на стороне большевиков, и так ведомы все мыслимые и немыслимые тайны Третьего Рейха... На самом деле было еще не время.

В связи с подготовкой грядущего Смоленского сражения Ватила Бе снова отложила беседу со своим пленником и вспомнила о нем только сейчас, после того как появившийся на горизонте «Корсар» напомнил, что ставка в этой игре значительно больше, чем победа правильной стороны во внутривселенской войне. В схватке с кланами эйджел новорожденной Империи потребуются все, какие только возможно, человеческие ресурсы.

И вот, спустя полтора месяца с момента пленения (Гудериан, как всякий приличный пленник, делал на стене отметки пуговицей от мундира), впервые за все время дверь камеры раскрылась...

Перед взором пленника предстала особа, которую тот меньше всего ожидал тут увидеть. И это буквально ошеломило его – настолько, что он мог только молча моргать, глядя на странное существо явно женского пола, которое взирало на него с холодным равнодушием. В представлении генерала вражеский командующий должен был быть подтянутым мускулистым мужчиной европейского облика, с жесткими «орлиными» чертами лица и суровым взглядом серых глаз – именно такого он и ожидал увидеть изо дня в день. Этот образ настолько закрепился в его воображении, что появление Ватилы Бе (а это была именно она во всем блеске своей внеземной красоты) привело его в сильнейшее замешательство, какое ему крайне редко приходилось испытывать. Подумать только – девица! Высокая, с ярко-рыжими волосами, с матовой кожей темно-серого цвета и длинным тонким хвостом, украшенным кокетливой кисточкой... Да-да, действительно хвост, это не обман зрения и не галлюцинация... Нет, мундир с орденскими планками и нашивками в данном случае тоже имел место, но несчастный просто не обратил на него внимания, совершенно сбитый с толку внешним обликом визитерши. Чего уж там говорить – каперанга Малинина, в полной парадной форме, при всех орденских планках и нашивках, он бы легко воспринял в качестве противника-победителя... А вот эта «женщина» в его шаблоны не вписывалась, разрывая их с ужасным треском. Впрочем, генерал, невзирая на одолевшую его оторопь, не мог не отметить, что эта «дама» по-своему весьма хороша собой, как-то демонически, по-адски привлекательна... Она выглядела достаточно молодой – об этом говорила ее плавная грация и юное лицо; и лишь в глазах ее отчетливо светилось что-то древнее и мудрое, нечеловеческое... И из-за этого свойства Гудериан старался не встречаться с ней взглядом – он не желал чувствовать себя подобно кролику перед удавом... Но все же удержаться не мог.

Если бы он был искренне верующим, то, наверное, испытал бы непреодолимое желание завопить: «Изыди, нечистая сила!» и принялся бы истово осенять себя крестом (как это положено у католиков и протестантов – слева направо). Но в Бога Гудериан не верил. Иначе каким образом, фактически создавая с нуля германские танкеры (танковые войска) он дал им в качестве эмблемы череп со скрещенными костями (так называемая «Мертвая голова»)? Из-за черных комбинезонов да черепов на пилотках и фуражках советские солдаты частенько принимали танкерманов за эсесовцев, в силу чего, взяв в плен, расстреливали их без всякой процедуры у первого попавшегося куста...

Но сейчас он, конечно же, и не думал об этом. И уж тем более ему не пришло в голову молиться или еще как-то взывать к Господу. Гудериан чувствовал себя обреченным; холодный ужас растекался по его спине липкими струйками. Ему представилось, что это исчадие пришло за ним лично, чтобы за все грехи утащить прямо в ад к своему ужасному господину, который уже ждет его, кровожадно ухмыляясь и раскрыв в смертельном объятии свои когтистые лапы...

В свою очередь, Ватила Бе смотрела на Гудериана совсем другими глазами, нежели на Рокоссовского, к которому хумансовская половина ее сознания испытывала симпатию и женский интерес (что не мешало ей как темной эйджел видеть в нем на тот момент перспективного биологического партнера для продолжения рода). Добившись своего и почувствовав внутри себя зарождение новой жизни, Ватила Бе не утратила теплых чувств к отцу будущего ребенка. Она даже допускала, что все сложится так, что на какое-то время они с Рокоссовским, как это положено у хумансов, даже смогут создать между собой парную семью. Она сама родилась и выросла в такой семье, гордилась как своей матерью, так и отцом, и не видела в подобном будущем ничего плохого. Но прежде всего было необходимо завершить эту войну и сделать страну Эс-Эс-Эс-Эр доминирующим государством на планете.

Однако в случае с этим тактиком дейчей (действительно незаурядным) обе половины ее сознания были полностью согласны между собой в том, что для нее он – только «экземпляр», и не более того. И дело даже не в том, что Быстроходный Гейнц воевал на противной стороне и служил враждебной идее, несовместимой с идеей Империи, а в том, что он ощущался ею как некий чужеродный элемент, перед которым у нее не возникало желание открыться. В таком случае никаких личных отношений в данном случае быть не может – только дело и ничего кроме этого. Впрочем, сейчас личных отношений Ватиле и не требовалось. Один раз уже переиграв Гудериана на поле боя, она сейчас собиралась интеллектуально его отпрепарировать – чтобы, подвергнув этого хуманса позитивной реморализации и инверсии мировоззрения, через него, как через мост, получить доступ к другим тактикам дейчей из той же когорты. Замечательно, если конец войны будет бескровным и стремительным. Для начальной фазы построения Империи самое главное – чтобы все прочие игроки за планетарной шахматной доской не успели изготовиться к тому, что их ждет. Опережение противника в развертывании – любимый прием не только тактиков дейчей; темные эйджел тоже любят это стандартное положение и применяют его с большим искусством.

А в том, что данный «клиент» может очень быстро пройти через процесс инверсии и из врага превратиться в потенциального союзника, Ватила Бе не сомневалась. Для этого данный экземпляр хуманса был достаточно умен, требовалось только немного приглушить одни процессы в его мышлении и подстегнуть другие. Не придется даже обращаться за помощью к Малинче Евксине, ведь некоторым социоинженерным приемам тактиков учат с той же серьезностью, как и непосредственно военному делу. Но тем не менее во всех этих манипуляциях не было ничего личного – лишь голый расчет опытного тактика, вербующего бывшего противника в союзники-консультанты.

– Добрый день, герр Гудериан, – на чистейшем хойдойч, с оттенком участливой заботливости в голосе, сказала главный тактик «Полярного Лиса», – нет ли у вас каких-нибудь нужд, жалоб, просьб или предложений?

Некоторое время Гудериан, не ожидавший такого начала разговора, ошарашенно смотрел на визитершу, потом выдохнул и медленно, с трудом разлепляя губы, произнес:

– Кто вы такая, черт вас возьми? Сама фройлян Сатана?

– Фи, герр Гудериан, – сморщила нос Ватила Бе и чуть склонила набок свою милую головку, – как вам не стыдно так вести себя с дамой! Не ожидала от вас такого. Вы бы еще на меня с кулаками набросились, как какой-нибудь мужлан...

Этот ответ – такой чисто женский, даже несколько кокетливый, сказанный грудным, едва ли не мурлыкающим тоном – был совершенно неожиданным для немецкого генерала, отчего он удивился еще больше. При этом весь его мистический ужас сдулся до размеров пылинки. Он вдруг расслабился, ощутив даже легкое головокружение, смешанное с неловкостью.

– Извините, фройлян! – Гудериан одернул свой помятый несвежий мундир. – Но все равно... не могли бы вы представиться, чтобы я знал, как к вам обращаться? И вообще, сообщите мне, пожалуйста – что тут, черт возьми, происходит? А то меня схватили, засунули в

мешок и уже почти полтора месяца мне ничего неизвестно о том, что творится в окружающем мире...

Гостыя Гудериана усмехнулась, глядя на него с высоты своего роста, и гордо ответила:

– Мое имя Ватила Бе, герр Гудериан... И я служу на этом корабле главным тактиком. Имперское флотское звание у меня фрегаттен-капитан, в местной Красной Армии товарищ Сталин присвоил мне звание генерал-лейтенанта и назначил главным военным консультантом при Генеральном штабе. – Теперь в ее голосе явственно звенела сталь. – Это под моим чутким руководством русские окруженцы, которых вы уже сбросили со счетов, нанесли вермахту тяжелое поражение и при этом почти полностью уничтожили вашу вторую панцергруппу. Мы не смогли отменить тяжелых последствий беспечности местного русского командования, но зато нам удалось сорвать ваши планы по глубокому продвижению на территорию страны Эс-Эс-Эр. План молниеносной войны приказал долго жить, и теперь вашей стране Германия в очередной раз предстоит до дна испить горькую чашу поражения...

– Я вам не верю, фройляйн Ватила! – горестно вскричал пораженный Гудериан, не в силах сдержаться, – такого не может быть, потому что... потому что просто не может быть, никогда!

– Ну почему же не может... – хмыкнула та, – очень даже может. Но то, что произошло в районе Слоним-Ивацевичи, буквально меркнет перед событиями в Минске. Ведь ваша танковая группа туда не успела, и не могла успеть, а потому генералам Готу и Штраусу пришлось самостоятельно отдуваться в кровавой мясорубке уличных боев. Возьмите битву за Ивацевичи, которую вы уже проиграли, умножьте ее на сто и поместите в крупный город с его каменной застройкой. После двух недель самых ожесточенных боев город, из которого заблаговременно эвакуировали мирное население, оказался завален трупами ваших солдат и сгоревшей техникой. Сейчас те ваши солдаты, которым удалось выжить, завидуют своим мертвым товарищам, потому что ваши госпитали, до потолка заполненные ранеными, не имеют ни необходимого количества персонала, ни коек, ни перевязочных средств и медикаментов. Когда вы планировали эту войну, то никому из ваших командующих не приходило в голову, что она будет существенно отличаться от легких прогулок по Польше и Франции. И особо должна отметить, что для организации той бойни мне не пришлось прикладывать никаких особых усилий. Я всего лишь нашла способного русского тактика и посодействовала его назначению командующим обороной этого важного транспортного узла; остальное он сотворил с вами уже сам. Ну что такое один батальон штурмовой пехоты, участвовавший с нашей стороны, когда общее количество сражающихся измерялось десятками и сотнями тысяч... И что самое главное – этот командующий сумел благополучно вывести из разрушенного города ядро своей закаленной в боях группировки и с боями отойти в сторону своих основных сил... и оказалось, что никто из ваших генералов не в силах ему помешать.

– Да Вы еще хвастаетесь этим, как каким-то достижением! – взвился Гудериан, который ни на секунду не усомнился в словах своей собеседницы; он просто не мог себя контролировать, эмоции бурлили в нем и рвались наружу подобно лаве из проснувшегося вулкана. – Вы, вставшая на сторону русских большевиков против настоящей европейской цивилизации...

– Топтали мы вашу цивилизацию, – сказала Ватила Бе с таким ледяным презрением, что тело немецкого генерала вдруг как-то обмякло, точно его придавил к месту огромный невидимый плевок, – причем двумя ногами сразу. Проанализировав государственную структуру вашей страны, мы пришли к выводу, что в будущем она не имеет никаких перспектив и потенциально враждебна нашей Империи – как, впрочем, и такие страны, как Британия, Америка, Япония и все прочие... В какой-то мере мы вам даже благодарны за то, что вы начали процесс расчистки территории Европа от накопившегося на ней государственного мусора, сломав те структуры, которые в противном случае пришлось бы ломать уже нам. Одна лишь страна Эс-Эс-Эр является естественным нашим союзником, и поэтому мы не колеблясь встали на

ее сторону; и теперь все прочие государства, включая вашу страну Германию, пойдут у нас под снос... и только то, что русские большевики сумели построить, так сказать, на коленке за последние двадцать лет, будет превращено в новую империю, созданную на строго научной основе.

Быстроходный Гейнц хотел было еще раз слабо возмутиться, но Ватила Бе жестом руки заставила его заткнуться.

– Я еще не все сказала, герр Гудериан, – произнесла она, – и вам рано говорить последнее слово. Сейчас мы воюем только с вашим государством, но не с народом дейчей. По нашему плану вы, наряду с русскими – одна из будущих главных составляющих будущей Империи, которая гарантирует ей успешное развитие...

– Погодите, фройляйн Ватила... – перебил Гудериан главного тактика «Полярного Лиса», – сейчас вы говорите, что не имеете ничего против немцев, но я же знаю, что на поле боя ваши, гм, воины, убивали немецких солдат всех до последнего, не останавливаясь даже перед тем, чтобы добить раненых...

– Добивать раненых врагов на поле боя первыми начали не мы, а ваши солдаты, которым так приказал ваш предводитель господин Гитлер, – резко ответила та, склонившись к Гудериану. – Вы, дейчи, первыми начали истребительную войну на уничтожение против нашего главного союзника на этой планете, а потому не удивляйтесь тому, что с вами стали расплачиваться той же монетой. Внезапность и вероломство вашего нападения на страну Эс-Эс-Эс-Эр, жертвы мирного населения во время бомбежек городов, а также поставленная вашим командованием цель убить как можно больше русских, а остальных сделать рабами не оставили нам другого выхода, кроме как объявить вашей стране Германия войну без правил. Око за око, зуб за зуб, жизнь за жизнь... Так, кажется, записано в вашей священной книге? Но мы никогда, – запомните, никогда! – не назовем вас, дейчей, недочеловеками, ибо каждый разумный должен сам отвечать за свои поступки, за все доброе и злое, что он сотворил в своей жизни, и его раса и нация, которую мы не выбираем при рождении, не имеют к этому никакого отношения. Кровь для нас ничто, а идея Империи – это все. Русской Империи, в которой каждый, если он не патологический лентяй и не полный дебил, сможет найти свое место под солнцем и свою форму служения общей Родине. Все остальные империи, построенные хумансами, ищут счастья только для своих, а русская Империя дает шанс всем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.